

Владимир Смирнов

БРАТ МОЙ НАЗВАНЬИ

Владимир Смирнов
Брат мой названный

Арт-Холдинг «Медиарост»

2013

Смирнов В. В.

Брат мой названный / В. В. Смирнов — Арт-Холдинг
«Медиарост», 2013

ISBN 978-5-906070-10-4

Три времени – конец XIX века, предвоенные 1940-41 годы и начало века XXI.
Три города – патриархальная Молога, Санкт-Петербург и ещё один, легко
узнаваемый. И два наших современника, попавшие в прошлое и пытающиеся
понять окружающую жизнь, найти там своё место.

ISBN 978-5-906070-10-4

© Смирнов В. В., 2013

© Арт-Холдинг «Медиарост», 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	29
Глава 6	35
Глава 7	41
Глава 8	46
Глава 9	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Владимир Смирнов

Брат мой названный

Повесть издаётся в авторской редакции

© Оформление, издательство «Медиарост», 2013

Глава 1

Странное это чувство, когда трудовая книжка лежит не в каком-нибудь отделе кадров, а в твоём кармане. И на какой срок она туда попала – неведомо. То есть работу с моим букетом специальностей, некоторым опытом и какими-никакими связями, что за последние годы появились, найти, конечно, можно. И даже вполне во всех отношениях интересную. Но вот спешить как-то не хочется. Несколько лет практически без отпуска, даже усталость появилась, хотя чуть за тридцать – не возраст. И ведь не попросили – сам ушёл. Без шума, спокойно. Отдохнуть захотелось.

А ещё книга в голове крутится, что-то вроде исторической хроники. Года три уже крутится. Но урывками писать бессмысленно, а при моей работе всерьёз за неё не сядешь. Даже если вечерами время выкрою, всё равно мозги враскоряку.

Думал, как пришла сия несколько странная в наше прагматичное время идея в голову, так и уйдет, изгнанная из столь уютного местечка будет вечными делами и заботами, кои с восьми до пяти с прихватыванием тех же вечеров, а иногда и выходных так прочно свили там гнездо, что и в остальные часы просто никого не пустят – заключают.

Ан нет, она по капельке отвоёвывала в этой самой голове себе местечко и наконец заставила с собой считаться. Дела и заботы как-то тихо сникли и окончательно успокоились именно сегодня. Тем более что последние года полтора были вполне приличными в смысле доходов, и подкожные запасы позволяют примерно полгода на эту тему каждый день не думать, да и потом ещё столько же без лишнего шика пожить на вольных хлебах. Видимо, действительно пришла пора творить и радоваться жизни.

Всё это пару недель назад примерно в таком порядке я изложил шефу тет-а-тет в конце рабочего дня за вечерним кофе, добавив, что и к сестре надо бы съездить, родителей навестить, племянников повидать. Кажется, он понял и особо не отговаривал – в конце концов, взрослый человек, сам решает. Добавил, правда, что-то вроде надоест отдыхать, так возвращайся, работа найдётся. Кто ж спорит, её всегда полно...

Кстати, и мелочей, до которых в обычной жизни руки не доходят, тоже хватает. Вон в сумке надо бы разобраться, что на кухне в углу месяца три как брошена, а сегодня утром в очередной раз попалась на глаза и была выставлена на середину, чтобы вечером о себе напомнить. Ещё весной, выкидывая с дачного чердака всякий хлам с намерением построить когда-нибудь в мезонине небольшую летнюю комнату, наткнулся на пачку старых газет, школьных тетрадей, писем и прочей макулатуры явно от каких-нибудь прежних хозяев. Привёз в город – может, что для книги сгодится.

Но для начала сбежать от шума городского на пару недель в деревню, в земле покопаться, по лесу побродить, бамбук покурить, мысли прошлые из головы повыгнать, для новых мест освободить...

С этой сугубо интеллигентской мыслью последний глоток рыбарского янтарного отправился по назначению. Вечер благополучно заканчивался.

Люблю я эти заброшенные гранитные лестницы на берегу, ближе к стрелке Волги и Черёмухи. Провалились, за полтора века дождями да талыми водами размытые, но уцелели – и не вывез никто! Травой да бурьяном заросли – это есть, не сразу заметишь. Даже вечером на них тихо и спокойно. А главное – довольно чисто. То ли вода всё смывает, то ли Волгу больше стали уважать – не знаю. Но ни бутылок, ни осколков, ни чего ещё – нет. Разве что старые, с толстым слоем мазута иногда из песка вымываются. А может, культура питья на камнях появилась. Попили пивка (неприменно местного, благо неподалёку в Рыбарях последние годы настоящее, живое варят!), плеском волны дневные эмоции попригасили, – и в пакет бутылочку-попилицу. Всё равно наверх подниматься, а там и урну по дороге захочешь – найдёшь.

И ведь у каждого здесь своё дело найдётся. Помню весьма немолодого мужичка, звали вроде бы Михал Николаичем. Как все нормальные люди, имел он ещё в ранней юности пятьдесят восьмую с тридцать восьмого по пятьдесят четвёртый. А на камнях стихи писал. Говорил, на берегу лучше получается.

Когда-то я на таких же почти камнях даже к экзаменам готовился. Да и не только я. Сюда меня Семён курсе на третьем привёл, когда я у них в конторе подрабатывал. Лет за пятнадцать до того здешние камни, как он говорил, с его учебниками общались – но только по общественным наукам. Был такой большой том истории партии. На соседнем камне винцо потягивали, всё тот же Михал Николаич новонаписанное читал, а он, Семён, пытался запомнить, когда какой съезд был, что там решили и прочая. Мужички заглядывали через плечо, посмеивались, предлагали всё это винцом заполировать. Предлагали, правда, не очень активно – вдруг на хвост им сядет. Зря боялись. Семён как тогда к этому делу спокойно относился, так и сейчас без особых эмоций. А там такие асы были! В общем, как он любит повторять, хоть и немало времени на камнях провёл, отличать вкус портвейна за рубль две от рубль семнадцати так и не научился. И где сейчас тот портвейн, и где та история партии, и где сама та партия?

Да, на таких же почти камнях... Почему камни другие? Раньше – это под биржевым балконом, дикие, необработанные валуны. Потом там появилась вполне себе красивая набережная, а всё лишнее под ней погребли. В том числе ушли с глаз людских и мои камни, с которыми я почти сдружился, свидетели черновиков курсовых работ и парочки журнальных статей. Теперь романтически погулять вдвоём по набережной, на лавочку присесть – это можно. А вот для пива, разговоров и размышлений стало неинтересно.

Спустился первый раз, когда бульдозеры ушли – не то, пропал уют. А как совсем закончили, понял, что прежний уют пропал окончательно. Нет, всё стало красиво, но – другое. Пошёл вниз по берегу, куда ещё гусеница бульдозера не ступала. Вот же они, камни, целая лестница! И ещё одна! Такой грубообработанный гранит. По нему, может, ещё прадед мой ходил лет сто с чем-нибудь назад.

На берегу как-то хорошо думается. Мужички сначала удивлялись, потом рукой махнули, потом заинтересовались. Вроде как за своего приняли.

А как стал здесь своим, так и споры пошли. Я тогда вроде бы ни с того ни с сего городской историей начал интересоваться. То ли потому что уже четвёртое поколение начиная с прадеда мы здесь живём и пора долги своему городу отдавать, то ли ещё почему, но хобби такое возникло. Или берег подтолкнул? Остатки старых свай, кованые гвозди кое-где торчат... Поднимешься вверх – фасады старых домов, столетней давности дворы и ещё много чего. Потом в поисках всего подряд пошли газетные подшивки... И мужичкам интересно стало. У меня материалы архивные в голове, а они всё пытались логикой человеческой, логикой... Те ещё дискуссии пошли!

Понемногу все сюда перебрались. Вот только в темноте выбираться потруднее. До ближайшей нормальной лестницы по камням. Ногу бы не подвернуть.

Можно, конечно, сразу наверх подняться и далее вдоль по тому месту, где была когда-то набережная, а сейчас всё заброшено. Но неинтересно. Да берегом можно и недоговорённое договорить.

Сегодня после всех увольнительных дел я пришёл на камни довольно поздно, все уже разошлись. И ладно – одиночество иногда тоже необходимо, опять же повод появился. Однако всему своё время, пора собираться наверх. Темнеет.

Но почему так быстро? Будто всеобщим рубильником всё отключили. Даже луну, которая хоть как-то угадывалась. Для полноты картины? Оно, конечно, август, не июнь. Особо светло сегодня и не было, день несолнечный, туч с моря нанесло, ладно без дождя обошлось. Дело давно к ночи, но справа наверху пара фонарей у калашниковской мельницы хоть на что-то намекала. Перегорели? И как-то вдруг? И оба вместе? Поворачиваю голову влево вверх, в сторону моста, где должна быть цепочка огней. Нет цепочки. И на всей Волге ни огонька. Это что – новый этап борьбы за экономию электроэнергии за счёт моих возможных переломов? Или супер-пупер авария?

Сразу картина в голове: я перед шефом при костылях. На жалость бью, значит. Ну нет, не дождётесь. Этого ещё не хватало. Впрочем, какой шеф, когда я уже полдня официально неработающий, хоть на биржу иди. Но всё равно пойду аккуратненько, аккуратненько... Не на биржу, конечно, она всё равно ночью закрыта – домой. Утра ждать здесь что-то не хочется. Да и прохладно становится без куртки.

Темно вверху, темно внизу, темно слева, темно справа. Волга плещет, это понятно. Так мне не плыть, а ногами как-то выбираться надо. Плыть было бы, наверное, легче. Да и случилось такое однажды, давненько уже, на Клязьме под Владимиром, когда ночью пошли с приятелем купаться. Реки не знали совершенно, но не боялись, поскольку плавали вполне прилично. Поплыли вниз по течению. Спихватились, когда фонарь на лодочном причале стал подозрительно далёк. Повернули назад. Раза два упирались в кусты, коими берега заросли. Так что пешком вдоль реки было совершенно нереально. Тем более и плавки были по ночному варианту, то есть незагорелая полоска на соответствующем месте и ничего больше. Течение сносило слабо, выплыли довольно спокойно, но чувство было интересное. Чёрная вода, беззвёздное небо, по бокам смутно угадываются тёмные берега с нависшими кустами. Под ногами никакой опоры, и абсолютно ничто тебя не связывает с цивилизацией. Только какие-то мысли вкруг.

Мыслей и сейчас хватает. Даже с избытком. Камни под ногами. Одет. И Волга совершенно не похожа на тихую несудоходную Клязьму. А выбираться всё-таки надо. Что ж, пойду на ощупь.

Со стороны, наверное, интересно выгляжу. Не то чтобы на четвереньках, но чуть ли не каждый камень приходится ощупывать. Догнивающие сваи попадают. Попытался было прямо идти, так нога меж камней задержалась – и как только не вывихнул? Вот так и передвигаюсь. Ладно хоть без зрителей. А и были бы, так ничего не видно.

Сколько минут, сколько метров – понятия не имею. И смех и грех. Не в горах где-нибудь – там я отродясь не бывал, в кино только видел. На берегу, где всё вроде бы давно знакомо. Чуть

ли не посреди немаленького города на двести тысяч населения, в пяти минутах от цивилизации – и на тебе! Хоть до утра здесь сиди, пока светать начнёт. Нет, идти надо. Да и спать что-то хочется.

И на каждом шагу доски какие-то под ногами полугнилые, вроде мостков. Да ещё, наверное, с гвоздями. И откуда? Их же явно не было. Сюда шёл – не было. А-а, волной принесло. Но опять-таки откуда? На речном вокзале солидная аппаратель. По дороге к нему отсюда местная и ещё какая-то служебная пристань. Выше нас только плотина, шлюзы да водохранилище. Никаких маленьких пристанюшек нет. И вообще давно уже должен идти по новенькому асфальту вдоль крепкой решётки. Даже под мостом. Чертыхнулся, ползу дальше. Где же эта треклятая набережная? Кажется, ничего милее её сейчас нет.

Опять мостки, уже поновее. Ведут к Волге. Куда? Попробую пойти, может, хоть там пойму, где я. Да и точка какая-то светится. Вроде фонарика или мобильника в чьих руках.

Мобильник! Забыл совсем, давно бы помощь мог попросить! Вызвонить пару приятелей. Сидят, небось, в какой-нибудь ночной забегаловке до её закрытия, кофеёк потягивают за мелким трёпом. Пиво – это дома или здесь, на камнях. Придут быстро, тот же мобильник маячком послужит или на голос – и всё путём!

Так. Друзья. Группа у меня такая забита. Куда ж без неё – или без них? Пойдём по порядку. Борик. Молчание. Оператор будто умер. Ни вне зоны доступа, ни того же самого по-английски. Ладно. Пойдём дальше. Джек. Эффект тот же. Иван Сергеевич, Семён, Фома – подряд по алфавиту. С тем же успехом. Стало быть, это я вне зоны. Но тогда должен пройти сразу сигнал отбоя, а и его нет! Вообще никакой реакции. Интересно.

Ладно. Пойду по мосткам. Есть же там кто-нибудь.

Иду осторожно. Под ногами вроде бы прочно. Перил не видно, да и есть ли они? Искать их просто боязно, поскольку падать с мостков на каменистый берег и врагу не пожелаю.

Так, свет уже близко. Свет? Свечка в фонаре! Это ещё что такое?

Впрочем, свечка-то как раз понятна. Ежели свет везде отрубили, так и здесь тоже. Кто-то и подсуетился сразу. Зажёг. Свечи я в магазинах видел.

Стоп. А фонарь-то под свечку откуда взялся? Настоящий свечной фонарь. Да и пристань какая-то не такая, на единственный наш городской дебаркадер не похожая.

Хм... Бутылка пива, обычная, какую мужики на камнях иногда почему-то чебурашкой называют, даже не полторашка, не повод для потери адекватности. Отвальная накануне тоже была лаконичной, коллектив наш в этом плане вполне вменяемый.

Ступаю с мостков на пристань, нахожу какую-то дверь. Закрыто изнутри. Стучу. Тихо. Понятно, нормальные люди дома спят. Стучу громче. Так, на всякий случай.

Пробудился хриловатый голос.

– Кого там ещё несёт? Ванька, ты что ли?

– Нет, – отвечаю, – не Ванька.

– А раз не Ванька, так пошёл вон!

– Я этого и хочу, да вот темно, на берег не могу выбраться. Лестницу у биржи никак не найду.

– Да их там две, слева да справа! И ни одной не нашёл! Эк нажрался! Ишь, разгулялся ночью! Иди низом до перевоза.

– А можно я у вас до утра подожду, пока светать не начнёт?

– А почём я знаю, кто ты есть? Может, жулик какой? Мало вас здесь всяких шляется! Как сюда попал, так и выбирайся.

– Ну, хоть позвонить от вас можно?

– Это как позвонить? У меня здесь чай не церковь. Иди на колокольню, если звонарь пустит. Так ведь сейчас не пасха, да и ночью кто ж звонит?

Ладно. Недобрый ты какой-то, дядя. А может, настроение тебе испортили, что без света оставили. Так бы у телевизора дежурство скучал, а тут дремлешь от безделья. Да и насчёт позвонить с колокольни шутка не больно умная.

Что ж, будем выбираться самостоятельно.

Однако до какого такого перевоза? Его уже почти полвека нет, как мост построили. И пассажирского нет, и грузового. Или шкипер по привычке так сказал? Сколько же ему лет, если привычка такая осталась? Голос вроде не дряхлый. Да и там, где этот самый перевоз был, давно асфальт и ровная набережная. Хоть у всего города спроси – вспомнит ли кто?

Сам-то я знаю, где перевозки были, только по тем же краеведческим интересам. Планы сравнивал. Где чей дом был, какую улицу кто, когда и как переименовал. Ну и прочее такое. Пассажирская переправа была в створе Стоялой, прямо под Никольской часовней, на Купеческом спуске, от неё и следов не осталось. А грузовая на квартал выше, на неё прямо с Угличской, которая потом поумнела и стала Ломоносова, выезжали. Новая набережная дотуда ещё не дошла, вся и цивилизация на бывшем грузовом не-знаю-как-назывался спуске представлена остатками много лет назад кинутого асфальта, потому там и сейчас можно ногами пощупать вылезавшую из-под этой цивилизации самую настоящую каменку, да недогнившие за эти полвека остатки свай при низкой воде из камней торчат.

Впрочем, толку в этих перевозных автокомментариях нет никакого. Домой хочу, и всё тут. Поздно уже. Более чем. Кстати, сколько натикало? Наручные без подсветки. Может, хоть сейчас от мобильника толк будет? Ого, начало третьего. Так что если бы и была сеть, всё равно народ десятые сны смотрит и ночной звонок посчитает дежурным пьяным трёпом от скуки. Сегодня уже двадцать первое августа. Стало быть, я четвёртый час блуждаю? Ничего себе, здесь по берегу всего метров триста.

Вдруг цифры на экране начинают мигать. Исчезает год, потом месяц, дата. Часы и минуты пока держатся. Начинает блёкнуть картинка, с которой пока ещё улыбается любимая собака Джека. И улыбка её, растворяясь, делается всё более загадочной.

Экран гаснет. Странно, только вчера днём зарядил. И без предупреждения – мол, батарея разряжена. Заряди меня, хозяин, есть хочу.

Глаза к свечке привыкают, кое-что вроде бы различаю. Над дверью что-то белеет. Читаю. «Шкиперь». Старомодная эмалированная табличка. Кино что ли снимать собрались? Тогда понятно. Но ведь ещё вечером никакой такой пристани не было! Не было, и всё тут! И когда успели пригнать?

Поворачиваю на мостки и иду к берегу. Жалко ему пустить было! И что у него там украсть можно? Две лестницы у биржи! Это откуда две! Или у шкипера спьяну в мозгах двоится? Хотя голос вроде бы вполне трезвый... Одна со стороны моста, я её с детства помню! А с другой, между биржами, нет ничего, землёй давно завалена, только по камням вверху да внизу догадаться можно, что была когда-то.

Загадка на загадке! Судя по всему, я давно уже должен идти по набережной, если перевоз (бывший!) рядом. А её нет как нет.

Опять на берегу. Вода плещет. Несколько шагов вправо, достаю платок. Нагибаюсь, погружаю свободную руку с платком и, не выжимая, кладу на голову. Поможет? От чего? Голова не горячая, и вообще самочувствие как всегда. Поворачиваюсь на сто восемьдесят, столько же шагов назад, пол-оборота вправо и опять вперёд. Камни вроде поровнее. Похоже на каменку. Не остатки ли древней грузовой переправы? Асфальта нет. Как и не было. Или ремонт какой? Всё сняли и будут укладывать новый? Вверху слева и справа угадываются дома.

Поворачиваю налево и поднимаюсь.левой рукой нащупываю решётку набережной. Уже легче. Знакомый гранитный столбик, опять решётка. Следующий гранитный столбик через семь шагов, слишком близко, решётка, ещё столбик. Странно, мне всегда казалось, что между столбиками метров по двадцать, решётка на металлических промежуточных опорах, а тут всего

ничего. И тротуар какой-то корявый. Может, ремонтируют? Последнее время старым городом понемногу начали заниматься. Слева на фоне беззвёздного неба угадывается что-то не очень высокое. Здесь ничего кроме Никольской часовни, много лет назад спрятанной в милицейскую коробку и лишь недавно получившей свободу, быть не может. Она, видимо, и есть.

Настроение поднимается. Сейчас выйду к собору, поймаю такси, и всё закончится. А на будущее – не засиживаться на камнях. Кто знает, что ещё энергетики придумают на ночь. И только ли энергетики?

Тротуар ведёт вниз, и сразу чувствуется уклон влево. Явно Купеческий спуск на Стоялой. Иду вперёд в ожидании подъёма вверх. Он и начинается. Сразу натыкаюсь на что-то деревянное. Какие-то сараи, будки. Откуда? Однако за ними снова уже привычная на ощупь ограда с гранитными столбиками. Иду спокойно, левой рукой иногда касаясь решётки. Просто для подстраховки. Столбики так же часто. Справа дорога, последние годы, как открыли сквозной проезд, днём довольно шумная. Ночью, понятно, ездят меньше, но почему-то, как поднялся наверх, вообще ни одной машины не попалось – ни попутной, ни встречной. Куда делись? Даже такси, которые круглые сутки в центре крутятся. Хоть бы частник какой-нибудь! Взять в такую темень, может, и побоится, так дорогу осветит, и на том спасибо скажу.

Восьмиколонный портик Лоцманской биржи. Его даже видно немного, потому как белый. Иду мимо колонн. Нового тротуара там нет, просто песок насыпан, поскольку биржу много лет реставрируют и только недавно сняли леса. Впрочем, под ногами достаточно твёрдо, хотя ни на плитку, ни на асфальт не похоже.

Посредине спотыкаюсь о какие-то ступеньки, чуть не падаю. Камней на берегу ноги ломать было мало! Может, реставраторы к центральному входу лестницу пристроили, пока леса стояли? Осторожно обхожу их и иду дальше, ощупывая чуть ли не каждый шаг, – мало ли что ещё впереди попадётся. Однако до последней колонны обходится без сюрпризов.

После колонны три шага влево до фасада, затем до угла. Минуту можно передохнуть.

Между биржами должна быть дурацкого голубого цвета трансформаторная будка. Совершенно никакая коробочка, хоть бы фасады как-нибудь облагородили. Главное сейчас – дойти до угла Новой биржи и, не отрываясь от стены, до лестницы на вход. Там явно должна быть лампочка сигнализации. Или, чтобы не сидеть ночью на холодном камне, сразу от угла пойти вправо через дорогу по диагонали на Красную площадь, где всё это закончится, поскольку на Крестовую по правому тротуару как-нибудь выйду даже в темноте.

Стена там ровная, если за неё держаться, как вдоль ограды шёл... Но на тротуаре есть решётки подвальных окон и ступеньки у подъездов... Тогда на самой площади доберусь до газона, только бы о бордюрный камень не споткнуться, потом по траве до центральной аллеи, нащупаю первую попавшуюся скамейку, сяду и просто буду ждать рассвета. Он-то в конце концов должен наступить!

Здесь я ночью не нашёл новую биржу

Считаю шаги до Новой биржи. Их должно быть тридцать девять. Моих шагов. Не тридцать восемь и не сорок. Не размашистых и не робких. Обычных. Когда-то ни с того ни с сего захотелось некоторые небольшие городские расстояния вымерить шагами. Вроде бы Достоевский чем-то подобным в Питере занимался, когда романы свои писал.

Отвлекаюсь на счёт, даже о дурацкой будке забыл. Тридцать семь, тридцать восемь, тридцать девять. Не глядя, протягиваю руку. Рука ловит воздух. Поднимаю глаза. Нет биржи. Просто нет. Пропала биржа со всем её гранитом внизу, изразцами, с шатрами и башенками наверху. Как и не было её.

Вот-те-нате-опаньки! Следующее слово явно напрашивается быть непечатным, поэтому благоразумно не реализуется даже в мыслях. Как и все нормальные люди, лексику эту я, конечно, знаю, но совершенно спокойно обхожусь без неё.

Может, и Лоцманской нет, так, привиделись её белые колонны? Поворачиваю назад, шаги, понятное дело, не считаю, почти бегу. По дороге замечаю, что нет дурацкой будки. Останавливаюсь. Лоцманская, похоже, на месте. Осторожно трогаю белую стену правой рукой, затем левой. Твёрдо. Перехожу к крайней колонне. Вроде бы настоящая, но для пущей уверенности бью по ней ладонью, потом иду по всему фасаду и проверяю все восемь. Стоит, родимая, как вчера стояла. Небольшое, но утешение.

Ну и оптимист же ты, братец, насчёт закончится. Биржа-то новая со всеми её музейными коллекциями где? Это вам не дебаркадер под покровом ночи пригнать для съёмок. Тут что-то посерьёзнее. Помутнение сознания исключим. Всё-таки я рассуждаю. Биржу снесли, пока я на берегу сидел да по камням пробирался, – это чушь полная в стиле фэнтези. Даже если какому идиоту это в тупую голову придёт, как в своё время со шретеровским театром, даже если это ещё более тупые головы согласуют, даже если народ, который в целом просто не может быть тупее самого завалящего чиновника, поскольку уже не первое столетие ищет и обычно находит способы обойти любое чиновничье решение или хотя бы минимизировать его последствия для себя, пробезмолвствует – и то время нужно, и время немалое. Коротких ночных часов просто не хватит. А ещё – шум. И в буквальном, и в переносном смысле. Впрочем, это, конечно, не чушь, а просто намеренно нелепая фантазия. Бывает. Стало быть, биржа ещё не построена. Тогда я в девятнадцатом веке или в самом начале двадцатого.

Или её уже нет? Простояла себе веков пять-шесть и была разобрана по дряхлости. Но это совсем полный бред. Часовня есть, Лоцманская биржа, которая на целый век старше, вполне себе на месте, какой-то древний дебаркадер на плаву, свечка в фонаре – а большого и крепкого здания, украшения всей набережной нет? Огромного, но по-своему уютного биржевого зала справа, купеческого, почти эрмитажного на втором этаже, разве что развеска попроще да за

окнами не Стрелка и крепость за Невой, а полудачная Заволга? Когда в своё время сносили храмы – хоть какая-то логика была, но эта версия даже на чушь не тянет. Отмечаем её и готовимся к встрече с предками на этом свете.

Стоп. Что-то слишком легко и просто получается. Рипван-Винкль неприкаянный при дворе короля Артура в машине времени назад в будущее в одном флаконе. Начитался-насмотрелся всякого такого. Эдак и свихнуться недолго. Ладно, скоро светать начнёт. Разберёмся.

Глава 2

Чисто механически сворачиваю влево. Сверху тоже ни огонька не видно. А может, и Волги уже нет? Несколько аккуратных шагов в предчувствии обрыва. Ещё несколько таких же на ощупь вниз. Теперь можно присесть и подождать рассвета. Ночь ещё не кончилась, а впечатлений что-то уже слишком много.

В траве уютно. Хочется спать. Самое время прикорнуть на часок, вряд ли больше получится. Ежели воронок с объездом, я в полном порядке. Трезвый, ничего подозрительного, документы с собой. А в отделение привезут – так и к лучшему, хоть всё это наконец прояснится. Да и просто устал я за ночь...

Открываю глаза. Рассвело. Внизу действительно Волга, но какая-то тесная и непонятная. Влево и вправо пристани и множество барж. Протираю глаза. Ничего не изменилось. Только пристани ещё и на том берегу и вверх по Шексне сколько видно до поворота. Похоже, всё ночное – не сон. Но где-то я все эти пристани и баржи видел. Ну, точно! На старых открытках! Значит, это Волга, а я таки действительно с камней лет на сто назад поднялся.

Странно. Вроде бы эмоции должны через край бить. Какая-нибудь смесь удивления, восторга и ужаса. Виданное ли дело! Нормальный, вполне себе вмняемый обыватель начала века двадцать первого, домосед по натуре, ни в чём таком не замечен, даже без загранпаспорта (а надо бы), в здравом по крайней мере до сегодняшней ночи уме и твёрдой памяти оказывается в веке девятнадцатом! И абсолютно непонятно как. И точно так же непонятно, как домой вернуться. Голову под душ и всё это обнулить. Временные дыры только в сказках бывают. В кино режиссёрам на потребу да публике на утеху из сказок благополучно переключевали. А мне-то что делать?

Шаги наверху. Чья-то трезвеющая болтовня. Поворачиваю голову. Три мужика в картузах, косоворотках и штаны в сапоги. Какая-то случайно виденная юность Максима, первые кадры. Но я не в кадре и даже не зритель!

Смотрят на меня. Я – на них. Что им надо?

– Ваньк, вишь, барин какой-то сидит. Видать, тоже дома не ночевал. Или от бабы какой идёт. Да и одет как-то не по-нашему.

– Да уж, простую одежду они не носят. Может, брезгуют?

– Да кто их знает?

– Барин дома не ночевал! Можно подумать, ты только что из дому вышел.

– Ага, был сильный мороз.

– Гы-гы-гы! Ты ещё и это помнишь!

– А то как же! Чай, грамоте обучен.

– Тоже удивил. Читать-то сейчас хоть кое-как, да все умеют. Разве что кроме самых уж дураков. Ведь двадцатый век на носу.

– Слышь, мужики, а чо он на нас смотрит, как на ярмарке?

– Может, выпить с нами хочет аль денег дать.

– Выпить – это не хитро, завсегда пожалуйста. А денег у него мы и так возьмем.

– А ну как городской где-нибудь рядом?

– Да какой ещё городской? Они чай седьмые сны досматривают.

– Ладно, мужики, пошли отсюда. Видать, одурел их благородие. Молчит и молчит. А втроём на одного – вроде как не дело.

Отворачиваются и идут дальше. Я с облегчением вздыхаю. Драки мне только не хватало! И не то чтобы я их сильно боюсь, хоть и трое на одного. В детстве несколько лет ходил в секцию самбо. Нет, серьёзно спортом заниматься не собирался. Но в школе, а главное – во дворе имел

репутацию ботаника, что не всем нравилось. Не объяснять же каждому, что у меня в жизни свои планы, в которые разбивание кирпича ребром ладони просто не входит.

Сначала все удивились, даже близкие друзья. Потом, после пары мелких стычек, зауважали. Успехов особых, как и предполагалось, я не достиг. Но несколько приёмов до сих пор помню.

Учитывая, что самбо придумают только через несколько десятилетий, свои возможные шансы в потасовке я оцениваю довольно высоко. Но встреча со здешней полицией меня абсолютно не привлекает. Что я им покажу? Российский паспорт начала двадцать первого века? И что дальше?

Видимо, приветствующей депутации от предков не будет. Похоже, их никто не предупредил. Пора город посмотреть – в траве правды нет. Да и что ещё делать?

Стоп. А как я выгляжу? Не зря же абориген по поводу моей одежды заикнулся. Ну да, для него всё что не поддёвка какая-нибудь или там кафтан – господское. Потому, наверное, и барин. А я в этих поддёвках да сюртуках всяких полный ноль, только слова слышал, вернее сказать в книгах встречал и, как всё это выглядело и кто что носил тогда, понятия не имею. Разве что фрак, о котором все знают. Так. Брюки нейтральные. Рубашка простая, светло-серая, без рисунков, надписей, кнопочек, полочек, погончиков и прочего, для здешнего времени, скажем так, нехарактерного. Туфли, правда, с вырубленным рисунком, подошва литая, но бежевые, неброские. Да и кто на обувь смотреть будет? Ладно хоть не бейсболка-джинсы-майка-кроссовки, как вчера по случаю жары. Или это уже позавчера? На мне были классические скромные ливайсы, особо в глаза не бросающиеся, и университетская футболка, присланные сестрой на день рождения. А если бы шорты да какая-нибудь гавайка? Интересно, как бы на меня такого здесь посмотрели?

Полудерюжная сумка на плече. Тоже ничего особенного. В сумке, правда, ноутбук и всякие несвоевременные здесь мелочи, в кармане, естественно, мобильник. Так то в сумке и в кармане. Если с полицией придётся объясняться – тогда другой вопрос. Обыщут, конечно, в сумке покопаются, ничего не поймут. И что им тогда в голову взбредёт? А просто так на улице кому какое дело. Стало быть, на особое внимание публики можно не рассчитывать.

Достаю бумажник. Около полутора тысяч плюс зарплатная карточка. Ещё вчера на текущие расходы вполне достаточно. Вот только непонятно, что с этими деньгами делать сегодня и где тот банкомат, который мне не Большой театр с Соловками да с Ярославом Мудрым выдаст, а катеньку с петенькой (размеры у них, кстати, далеко не банкоматные). Петенька, правда, в некотором роде и у меня есть, у Соловков на лицевой стороне. То бишь тоже на пятисотке. Да только тех же щей, да пожиже влей! И весьма-таки пожиже...

Забавно, кстати, если бы мужички добрались до моего бумажника. Что это деньги – наверное, поняли бы. Вот только год на них, естественно, тысяча девятьсот девяносто седьмой. Крыша бы у них поехала – это точно.

Эко размахнулся! Банкомат ему подавай! Крупно иметь хочешь. Хоть бы несколько рублей для начала (есть хочется!), а там видно будет.

Да, пару дней назад Джек похвастался, что нашёл на даче пачку старых банкнот. Сказал, что много одинаковых и великодушно мне их дарит. Тоже удивил! Наверняка конец девятнадцатого – начало двадцатого, что и у всех. Более старые в своё время поистрепались и естественным образом вымерли, а эти через несколько лет после семнадцатого года разом стали никому не нужны и оказались во всех детских коллекциях. Пакет я не глядя бросил в торбу, чем его немного обидел, с намерением дома посмотреть. И забыл. Ну-ка...

Кстати, кое-что проясняется. У мужичков двадцатый век на носу. Стало быть, действительно кончается девятнадцатый. Логично.

Так и есть, вот они. Первое разочарование – неразрезанные керенки. Куда их, рано им ещё. Но в них что-то завёрнуто. Ура! Полный набор – от рублей до петеньки. Он, правда, единственный. Но здесь это – ого!

Радость слегка притормозилась. Это для меня деньги старые, а тут, может, их ещё и нет. Смотрю год. Рубли девяносто восьмого. А петенька аж девятьсот двенадцатого. И всё остальное тоже двадцатого века. Какая тут радость, не проколоться бы. Эти самые петенька с катеньками будут ждать появления на свет божий более десятка лет, и ровно столько же возможности их потратить буду ждать я. И располагаю я в лучшем случае рублями. Да и то если девяносто восьмой хотя бы наступил.

А какой, кстати, здесь год? Спрашивать у людей – сочтут за идиота или чего хуже. Купить газету – а они есть? И на какие деньги? Остаются афишные тумбы.

Но сначала надо бы осмотреться. Встаю. Слева, как и должна быть, Лоцманская биржа. Вправо к Стрелке вполне ухоженная набережная. Как на тех же старых открытках. Значит, за спиной торговые ряды – то ли Красные, то ли Мучные (вечно путаю, где какие). А может, и галерея их кирпичом ещё не испорчена. Проверим.

Поворачиваюсь – испорчена, уже заложили. Вот уж не думал, что архитектурные глупости наши ещё из девятнадцатого века идут. А за Красной площадью видны другие, красного кирпича, ещё не оштукатуренные. Стало быть, эти Мучные, а те, что к собору ближе, Красные. Запомним весь этот расклад на натуре.

Внизу на пристанях народ суетится. Что-то грузят, разгружают. Крики, возы, телеги и прочая и прочая... Надо будет со всем этим познакомиться поближе. Как-никак интересно. Да и на приличную книжку материала можно будет накопать, если уж случай такой представился. А то в архивах рыться как-то скучновато.

Красная площадь рядом, только за угол завернуть. Прикинем. Новой биржи нет, она даже ещё не строится. Стало быть, никакого памятника на площади, естественно, тем более нет. Появится он лет через пятнадцать. Посмотреть было бы, конечно, интересно, но задержаться здесь так надолго?.. Пока же обычная торговая площадь. Народу должно быть много, внимания не обратят.

Сразу замечаю – галерея хоть здесь сохранилась. Приятно. Однако вокруг пусто. Прилавки, сараи. Ничего красного, то бишь красивого. Может, её потом Красной назовут, когда биржу построят да всё это вычистят? Вижу ещё одного аборигена – дворника. Может, день не базарный? Или рано ещё? Ладно, зайду попозже на Мытный, какие-нибудь пирожки найдутся.

А пока прогуляюсь до Стрелки, на шлюзы посмотрю. Дед рассказывал, после войны их ещё закрывали. Насколько знаю, кварталы эти сто лет назад были весьма оживлёнными, а набережная вполне прогулочной. С утра, правда, особо не гуляют. Тем лучше, все спешат, в случае чего меньше внимания. Только глаза на предков не пялить. Люди и люди.

Глава 3

Вам не приходилось гулять по виртуальному городу, где реально никогда не был? На экране, естественно, неигровая бродилка. А в руке джойстик. Вперёд-назад-влево-вправо. Пробираешься, сидя в кресле, куда-нибудь в сторону Лувра. Входишь спокойно, без очереди, само собой без билета, заглядываешь, не торопясь, в два-три зала. В картины всматриваешься выборочно, по настроению. Не лежит сегодня душа к «Джоконде» – и проходишь себе мимо, кинув случайный взгляд. Сегодня пусть она тебя разгадывает – что это за гусь такой мимо идёт и ноль внимания. Потом на выход и прямо по каким-нибудь Большим бульварам или Елисейским полям, затем к Эйфелевой башне, взлетаешь вверх и глядишь на знаменитый город сверху. Где что там находится, куда как добраться – понятия не имею, экскурсоводит мышка. Надоест – кликнешь себе спокойненько крестик в правом верхнем углу, и в другое место, ежели желание таковое появилось. А потом подъезжаешь, не вставая с кресла, к кофеварке, ждёшь пару минут и запиваешь всё это путешествие. Почему не пивом? Как можно! Пиво – это для волжских камней, но никак не в Париже после Лувра. Всё хорошо к месту.

Или ещё подобное занятие, к которому все недавно пристрастились. Накопаят старых фотографий по бабушкиным альбомам или ещё где, в сеть выложат и обсуждают – где и когда снято, что уцелело, что снесено и прочее в том же роде. Много не сразу и поймёшь. Разве что старики могут помнить, да где их, компьютерных, сыскать? Но если коллективным разумом докапываемся до истины, так чашка кофе втрое вкуснее.

Бродить по знакомому городу, тем более по своему, где ты с рождения обитаешь, не так интересно. Бегая каждый день по одним и тем же улицам, быстро перестаёшь их замечать. В справедливости этой банальной мысли я убедился как-то в Питере. И всего-то полтора месяца на курсах, но каждый день проезжал мимо Зимнего. Первые дни азартно смотрел в окно, а через пару недель даже не поворачивался. А если стоял у окна, то никаких эмоций. Как сказано было давно и не мной, дворец кому-то тоже дом.

Однако джойстика в руке нет. Впереди знакомый незнакомый город. И шанс его увидеть, кое-какие фотографии уточнить. Домой – не хочется. Пока.

Рядом киоск. И вывеска знакомая – «Воды Ю.В. Бендтъ». Есть у меня эта открытка. В той, конечно, жизни. Оказывается, киоск похож на Никольскую часовню. Шатёр. Интересно, никогда не замечал. Да и как заметишь, когда они на разных открытках.

Никольская! Я же могу вернуться и увидеть в изначальном варианте! Да ещё и реставраторов проверить – не ошиблись ли в чём? Её же только-только привели в порядок, глаз не успел замылиться, отчётливо помню! Все остальные знают только отреставрированную. Или не суетиться, вперёд так вперёд. Никольская в первозданном виде ещё лет тридцать никуда от меня не денется. Но не задержусь же я здесь так надолго! За день по центру пробегусь, кое на что интересное посмотрю повнимательнее. И вообще, может, завтра утром уже дома буду, как после короткой случайной командировки. Вернее, проснусь...

Но «Воды...». Даже пить захотелось. Но закрыто – утро. И чем платить? Ладно, на обратном пути водички здешней попробую. Джойстиком – вперёд!

Что рассказывать? Всё как на открытках. Только Никольский храм, которого давно нет, на месте. Но – теряется на фоне Спасо-Преображенского собора. Это и раньше казалось.

Впервые вижу дома на Соборной

Собор вроде не изменился. Но что-то – неуловимо – другое. Как после ремонта – квартира и та, и не та. Кое-чего не хватает. Попробуем найти отличия. Одна картинка перед глазами, другую надо вспоминать. Ага, башенки парами по углам самого верхнего яруса колокольни перед куполом. В той жизни их не было, а здесь есть. Галерея от собора к колокольне вся в лепнине, пряник печатный. Если бы ещё знать, сколько искать отличий... За собором дома, которых нет. Потому и вижу их впервые. Снесли, когда мост начали строить. Видел я как-то в архиве распоряжения о сносе домов. Четыре дома на площади Маяковского и три на улице Урицкого, которая лет около двадцати назад стряхнула это имя со своих табличек и опять стала Большой Казанской. Четыре дома – вот этот самый квартал, выходящий на площадь. А на три казанских посмотрю на обратном пути. Да, и роддома бывшего, в котором полгорода на свет появилось, включая меня, там быть ещё не должно. Что же там было раньше? Увижу, когда круг сделаю и вернусь сюда с другой стороны.

Однако площадь Маяковского – аж смешно. Видимо, с юмором всё было в порядке у тех, кто переименовывал. Сейчас, сто с хвостом лет назад, при двух соборах это ещё нелепее кажется. Когда Малой Иверской за Волгой название Безбожников давали – хоть логика какая-никакая была. Поворот на сто восемьдесят градусов. Большая Иверская там же стала «Правды» в кавычках. Кавычки – не потому, что так сказать, а потому что газета. Тоже в противоположную сторону. А Маяковский – в гробу, наверное, перевернулся с такого юмора. Ладно хоть в начале девяностых перед горланом-главарём извинились, и площадь опять стала Соборной.

Ну да ладно, это все потом будет. Иду дальше.

Если я сейчас начну сыпать номерами домов да именами владельцев – кто мне поверит? Не может обычный человек, разве что если он ничем кроме истории своего города не интересуется и в этом направлении глубоко копает – некая архивная крыса, помесь Нестора-летописца, Генриха Шлимана и Варфоломея Коробейникова в местном варианте, – всё это знать. Да и то, может быть, к пенсии, ежели всю сознательную жизнь копался во всём этом по долгу службы или увлечению. Здесь коллективный разум нужен, который, кстати, и занимался всем этим несколько лет, но совершенно без моего участия. Так что демонстрировать непонятно кому такие невероятно обширные знания из моего ноутбука, к которым имею чисто читательское отношение, и выдавать их за свои не буду. Я всем этим сокровищам даже не хранитель.

Конечно, некоторые дома в нашем городе все знают. Номер назови – семьдесят седьмой, сто тридцать седьмой, сто сорок шестой. А улицу и называть не надо. Или дом на собачьей. Ему уже лет шестьдесят, если не больше, вроде бы ещё до войны начали строить, стало быть собачью площадку и помнить некому. Но кто постарше и всю жизнь рядом живёт, до сих пор

так называет. Кстати, это опять же сто тридцать седьмой. Интересно, сейчас там собачья площадка уже есть или её ещё нет. В любом случае – малопrestiжная городская окраина.

Через сто лет в путеводителях по старому центру будет писать – бывший дом Наумовых, Дурдина и прочих. А то и просто без бывший, и так ясно. И большей частью кто они такие, эти бывшие, – мало кто знает. Единственно – люди были явно небедные. Разве что о Дурдине слышали. Не забыть, кстати, пиво попробовать. Лучше оно нашего или просто легенда такая сплелась?

Вокруг понемногу появляется народ. На меня никто особо не смотрит, у всех свои дела. Да и я не заглядываюсь. А что? Одежда на предках по фильмам привычная. Разве что против нашей женщины не в брюках, подолом улицу подметают, а на молодых юбки хоть и покороче, но тоже не из папиного галстука сшиты. Ну и макияжа заметно меньше, если вообще есть.

Так что смешаюсь со всеми и пойду просто так. Первый знакомый неснесённый дом, шестьдесят первый по нашему счёту, сейчас оказывается от площади вторым. Стало быть, на набережной снесли только этот угловой двухэтажный, шестьдесят третий. Ну, и остальные три до Большой Казанской, итого весь квартал. С другой стороны площади шестьдесят девятый, это я помню. Значит, два номера между ними и должны быть оба храма. Всё выстраивается. А этот шестьдесят третий, уютный такой, с балконом на углу, не повезло ему. Но потомки не виноваты, мост надо было строить. Хорошо хоть не за счёт собора...

Однако не путеводитель же я пишу. Зачем перечислять дома? Ежели через два дома в сторону Стрелки от этого первого – шестьдесят первого в моё время был Сбербанк, а до него Госбанк (местное, понятно, отделение, мы не в столице), то сейчас Волжско-Камский опять же банк. Это я знаю, да и вывеска подсказывает. Отличий не видно – банки всегда были хорошими хозяевами и портить вид глупыми ремонтами не давали.

Стрелка ещё далеко, а впечатлений уже хватает. Не мешало бы передохнуть да на Волгу поглядеть. Подхожу к очередному гранитному столбику и замечая, что ограда – другая. Короткие чугунные пролёты на гранитных опорах. Понимаю, что ночью, на той части набережной, было то же самое. Именно такие вижу каждый день у костёла на другом конце города по дороге на работу. Видел. Но костёл, насколько помню, построят лет через пятнадцать. Стало быть, решётки для него могли лить в те же формы или уже потом частично перенести отсюда. Впрочем, это мелочи. Но сообрази я в темноте ощупать саму решётку, наверное, ещё больше бы запутался.

Опять пристани. Правда, место поцивильнее, пристани пассажирские. Двухпалубные колёсные красавцы, давно списанные, сгнившие или переплавленные, здесь волжские короли. Я их вижу впервые, разве что у Рязанова в кино, а дед рассказывал, после войны они ещё ходили. Под другими, понятно, вполне советскими названиями. К причалу подходит «Боярышня». У другого причала «Князь Андрей Боголюбский». На палубе дамы в длинных платьях. Рядом, как водится, кавалеры.

Интересно, о чём они говорят? А о чём, собственно, они могут говорить? Встречаются, провожают, флиртуют... Они что, сильно умнее нас?

Жаль, фотоаппарата нет. Сейчас бы цифровичок с хорошим зумом – такие портреты предков можно было бы сделать! На старых фотографиях они действительно выглядят весьма интеллигентными, даже умными. И взгляд глубокий. Особенно на групповых. Все респектабельные, аккуратные такие. Смотрят друг на друга уважительно. Какой-то идеальный мир! И рядом – фотки нашего времени. Именно фотки в отличие от тех благородных фотографий. В чём же дело? Мы в целом вроде бы не глупее, а положишь снимки рядом – и всё ясно.

Всё – да не всё. Что такое фотография в конце девятнадцатого века? Это поход в фотоателье. Значит – готовятся заранее, идут не в чём попало. А там фотограф долго и серьёзно всех рассаживает, объясняет что и как. И настрой у людей как на серьёзное и важное дело. Ежели фотографа к себе приглашают, собираются не меньше. Понимают, что внуки-правнуки,

к которым они вроде как обращаются перед этим деревянным ящиком, только по фотографиям и будут их представлять. Через полвека фотоаппараты станут плёночными, лёгкими и общедоступными. Снимают, что в объектив попадёт. Какая там подготовка, какие умные глаза? О выстраивании кадра и говорить нечего. Мгновение ловят. Удачное или нет – какая разница? Но с плёнки хоть печатали не всё подряд... А с цифровиком работают, как автоматчик в жарком бою. Заполнится память, карту поменяют и снова курок давят. Думают, небось, что качественный снимок автоматически получится. Сам так когда-то начинал, да хорошо друзья, посмотрев несколько папок моих художеств, мордой по столу провезли и что обо мне подумали, то и высказали. Мало-мальски серьёзным фотографом, правда, не стал, однако перед людьми хотя бы не стыдно. Но всё равно почти игрушка в руке на улице и солидный деревянный ящик в ателье на штативе – слишком большая разница. Вот и получались у того же Пийра фотографии, которые и через сто с лишком лет смотреть хочется, а многое через эти самые сто лет снятое потомкам не дай бог увидеть...

А мобильник? Со связью всё ясно: в пространстве – пожалуйста, ежели ты в роуминге. Но не во времени. Однако в аккумуляторе, может, что-то осталось хоть на несколько снимков? Портрет, правда, сделать будет трудновато, разве что под нос какому франту сунуть. Но пейзаж волжский может получиться. Качество, конечно, не бог весть какое. Что с мобильника взять?

Запускается. Даже пёс улыбнулся. Снимаю. В кадре нижние причалы, телеги, пролётки. Люди крутятся. Вернусь – распечатаю. Краеведы точно ошалеют.

Глава 4

– Извините, Вы случайно не на Ольгу Константиновну работаете?

Не успев сделать снимок, оборачиваюсь. Гимназистик лет пятнадцати плюс-минус год. В совершенно настоящем мундире. Смотрит с интересом. Но не то чтобы сильно очень, а так, с небольшим. Удивляется будто не тому, что у меня в руке, а чему-то другому.

– Н-нет... А кто такая Ольга Константиновна?

– Фальк. А Вы разве не знаете, у неё типография и магазин через два квартала отсюда. Там и печатают, и продают.

Та-ак. По открыткам я не спец. Однако, насколько помню, местные сюжеты на них появились аккурат с началом двадцатого века. Вроде бы их ещё не должно быть, если, конечно, мужичков тех правильно понял. Но год, год какой сейчас?

– Тысяча восемьсот девяносто восьмой.

– А? Что?

– Вы спросили, какой сейчас год. Я и ответил.

Значит, последняя фраза была не в голове, а на языке. Ладно, как-нибудь отговорюсь. Подумаешь, гимназист. Не полицейский же.

– Ну и хорошо. Пусть будет девяносто восьмой. Проветриться с утра вышел, и год не знаю. Непорядок. А снимаю сам для себя, на память.

– Понятно.

Ему понятно! Мобильник в девятнадцатом веке его ничуть не удивляет, будто свой у него в кармане, а в ранце на всякий случай ноутбук! Как же в гимназии без него?! Да у папы в каком-нибудь Волжско-Камском банке прямой выход в сеть! Торчит, небось, на службе в соцсетях, чтобы дома не тратиться. Интересно, у кого из нас двоих крыша поехала?

Пассажирские причалы. Место встречи с Никой

Вглядываюсь. Пацан как пацан, к своим пятнадцати плюс-минус год с маленьким намёком на предстоящую взрослость подвытянулся. Лицо, правда, ещё вполне детское, усы-борода и не думают вылезать даже в виде цыплячьего пуха, сидят где-то в глубине души, часа своего ждут, шейка тощая из мундира торчит. Обычный русско-волжский типаж. Пройдёт мимо – и внимания не обратишь. Впрочем, что-то в нём такое есть. Непонятное. И дело не в мундире, хотя таковой я впервые вижу.

Ловлю его взгляд. Вижу, что и его интерес ко мне понемногу повышается. Не к тому, что у меня в руках, а именно ко мне. Почему же он подошёл?

О Господи, наушник в ухе! Провод под куртку сползает! Интере-есно! Вроде бы уже нечему удивляться, а на тебе! Может, действительно кино снимают, а мы с ним случайно в кадр влезли? А дома снесённые тогда откуда взялись? Срочно построили – или они лазерно-тридэшные какие-нибудь? Но выглядят вполне натурально. И люди выглядят настоящими. И разговаривают. Подойти потрогать? Не людей, конечно, не поймут. Дома на площади. О пристанях да баржах и говорить нечего. А тогда биржи нет – это, надо полагать, антитридэшное? Инвертор в схему добавили? Да ещё мост таким же макаром убрали, чтоб не отсвечивал? Какая-нибудь кинотехнология стелс? Наконец, пацан-то не в джинсах-футболке – в мундире!

Опять же суеты киношной вокруг не видно. Разве кто невидимый виртуальной камерой снимает, внушил мне всю окружающую картину, дал роль, не предупредив и даже не познакомив со сценарием. А наушник – так слова парню суфлируют. Но тогда моя роль в этом фильме – экспромт?

Все эти вопросы устраивают в моей голове столь азартное броуновское движение, что ждать ответов на них просто бессмысленно. Разве что на последний. Значит, самое время этот экспромт начать, инициативу перехватить, свой интерес показать. Не к мундиру, конечно. Может, тогда и режиссёр появится?

– Что слушаем? – киваю в сторону уха.

– Yesterday, а что?

Ишь ты, понял. В тему ответил. Стало быть, подыгрываю:

– Да ничего. Только она ещё не написана. Да и битлы родятся почти через полвека, а их будущим бабушкам сейчас куда как меньше, чем тебе. Кстати, где здесь можно зарядник воткнуть?

– Негде...

Слово прозвучало на вздохе и как бы с некоторым сожалением. Даже руками развёл. Ладно, принимаю тон:

– Догадываюсь, что негде. Электростанцию в городе только лет через семь построят. А ты как зарядил?

– Есть место...

– Понятно, что есть. А всё-таки?

– В гимназии. Там электрическая машина в кабинете физики. Вот я и приспособился. Могу и Вам зарядить, вот только крутить долго приходится. Но на полчаса хватает музыку послушать, звонить-то всё равно некому...

Ну и то дело. Значит, снимаю если не вдоволь, то хоть сколько-то. Но всё же кто это такой? И если с годом разобрались верно, то откуда и как он сюда попал?

– Слушай, а тебе не кажется, что мы о чём-то не о том говорим? Стоим на берегу Волги в тысяча восемьсот девяносто восьмом году от Рождества Христова, если это действительно так, говорим о битлах и рассуждаем, где мобильник зарядить. Кстати, дай на минутку послушать.

– Пожалуйста.

Всё верно. Знакомые голоса выводят донельзя знакомую мелодию. Вот только нет их ещё. Нет, и всё тут. А сам-то ты есть? Ты ведь тоже родишься чёрт-те когда. Можешь назвать всё это дурацким сном, можешь ущипнуть себя за ухо. Да хоть и не за ухо! Рука чувствует холодную кованую решётку и не находит Новую биржу. Отдаю наушник.

– Будь другом, ущипни меня.

Он пожимает плечами:

– Пожалуйста.

Обычный щипок. Ничего не изменилось.

Однако мальчик неожиданно вежлив. Пожалуйста и на Вы. На гостя из двадцать первого века не похож, там даже вежливость пожестче. Или уже адаптировался? Видимо, быть нам здесь вместе, и достаточно долго.

– Слушай, может, познакомимся и будем на ты. Не такая у нас с тобой разница в возрасте, чтобы выкатать. Да и полегче будет. Идёт?

Он протягивает руку. Пожатие ещё не очень умелое, но пытается покрепче. Взрослость показывает.

– Идёт. Никита. Для друзей Ник или Кит. И так и так зовут. Звали. Дома.

– Ну, для кита ты маловат. Так, китёнок ещё. Ника – так лучше.

– Ладно, буду под ником Ника. В игре под названием «Жизнь в прошлом». И долго играть будем?

– Да уж как получится. А по бабушке тебя как?

– А бабушка родится только через семьдесят лет. И потом, меня ни там ни здесь по отчеству никто ещё не величал. Впрочем, однажды было. В прошлом году, когда паспорт получал.

Так, девяносто восемь плюс семьдесят да ещё лет двадцать пять бабушке его от пелёнок собственных до детских добавим... Ну, и его полтора десятка. Вроде бы сходится. Всё-таки из двадцать первого. А вежливость действительно может быть здешним приобретением.

– Стало быть, тебе четырнадцать есть. Я так и думал.

– Через месяц пятнадцать. А Вы?

– Ты.

– Извини.

– Михаил. Миша.

– А по бабушке?

– Но мы же решили быть на ты.

– Да я так просто, ещё не привык. Ты же старше меня.

– Бабушку Дмитрием зовут. Слушай, Ника, у тебя паспорт с собой?

– А что?

– Да просто посмотреть.

– Пожалуйста.

Действительно, настоящий. А что другое могло быть? Фотография, реквизиты все. Регистрация... Ого, в одном доме живём! С разницей в пять этажей и два подъезда. Что незнакомы – понятно. Когда я во дворе играл, его ещё не было. А когда он из песочницы вылез, я уже учиться уехал и бывал дома нечасто. Для детей все взрослые на одно лицо, да и я на кучу мелюзги во дворе внимания не обращал. И на молодых мам тоже не особенно. Разве что коляску до лифта иногда помочь. Вот только родился паренёк почти через сто лет. Странно фраза выглядит – родился через сто лет – а как иначе сказать? Родится? Да вот он передо мной стоит, вполне себе человек, и немаленький, с меня ростом, скоро перерастёт. А сам-то я через сколько лет рожусь? Даже звучит дико – такого слова в языке точно быть не должно.

Голос Ники возвращает меня в реальность:

– Миша, а у тебя есть что-нибудь оттуда?

– Смотри.

Открываю молнию на сумке. Ника вздыхает.

– Паспорт показать?

– Зачем?

Недолгая пауза, которая не хочет затягиваться. Моё любопытство срывает первым:

– Ника, а как ты сюда попал?

– Да я и сам не понял. В прошлом году поехал в мышиный музей обычным рейсовым автобусом. Хотели компанией, но она как-то развалилась, а я уже настроился. На полдороге автобус взбрыкнул, сломался и дальше везти не захотел. Ну и мне расхотелось. Одно к одному – сначала друзья, потом автобус... Вместо того чтобы подождать да пересесть на обратный, пошёл вдоль Волги по берегу на поезд. А что, маленькое путешествие, время есть, дорогу примерно знаю. Одному, правда, скучновато, но там всего-то часа два пешком мимо детского

санатория, в котором я лет пять назад был, потом через бор и деревни, к вечеру дома буду. По ходу съел пару бутербродов, что в кармане были. Овраг попался, из него тётка какая-то поднималась с большими бутылками, в которых у нас воду продают – оказалось, там внизу родник. Спустился, запил бутерброды, умылся. Воду помню – холодная и вкусная! Прошёл половину – церковь на берегу полуразрушенная, но крест на шпиле колокольни цел, хотя и сильно накренился. Зашёл – интересно же. Росписи вверху видны, да и внизу кое-что осталось. Какая-то арка, ангелы по бокам. Захожу в алтарь. Смотрю по сторонам. Вышел – а уже стемнело. Но не беспокоюсь – лето, не холодно. Позвонил домой, чтобы не волновались – заночую у знакомых. Попроситься к кому-нибудь – так неудобно. Да и пустят ли? Ушёл за деревню, всё-таки на кладбище страшновато как-то. Кусты около леса, трава густая. А в траве хорошо, не видит никто. Даже интересно показалось. Ни разу в жизни ещё просто так в траве не ночевал. Июль, тепло. Сел у большой кочки в мох, как в мягкое кресло. Ночь короткая, почти и не дремал. Так, немного.

Совсем рассвело, пора на поезд. Потянулся, рука в сосну большую уперлась – вчера в сумерках её и не заметил. Вдруг вижу – поле выкошено всё. И когда успели? Я даже не понял, что и сено убрано.

Только вышел – телега навстречу. Рядом с лошадьёю пацан какой-то моих лет. Одет уж очень как-то по-деревенски, но сразу я особого внимания на такой прикид не обратил. Смотрю – сена полный воз с горой, и как-то косо навалено, вот-вот упадёт. И точно, всё вниз поехало. Стал он сено опять на телегу забрасывать, меня увидел. Пособи, чего стоишь, помогай! А почему бы и нет? Вместе быстрее. Нагрузили. Хотел было на станцию пойти, а он к себе зовёт. Пойдём, говорит, мамка накормит, да и устали, отдохнёшь. Между делом познакомились, он Стёпка, я Никита.

Вдруг замечаю – Стёпка необычно как-то на меня смотрит. Будто что-то не то во мне углядел. И не столько на меня смотрит, сколько на мою голову. Показывает пальцем на бейсболку, как в первый раз видит. Я сначала и не понял. Думал, сено в волосах застряло. Снимаю бейсболку, он к ней руки тянет – покажи. Пожалуйста, экое добро. Примерил, хотел вернуть. Да возьми, говорю, если хочешь.

Потом Стёпка на мои кроссовки удивился. Что, говорит, сейчас в таких башмаках в городе ходят? Бывать бываю, а ничего похожего не видел. Потом его поразили оранжевые нитки на джинсах, да и сами джинсы. Я подумал было, что у него тараканы в голове какие-то особенные. Джинсов не видел! Но по разговору вроде вполне нормальный.

Вошли в деревню. Ничего такого не замечаю. Заходим в дом, Стёпка матери говорит: вот мол Никита, помог мне сено нагрузить, дай нам поесть. Я вдруг понимаю, что со вчерашних бутербродов ничего не ел.

Стёпкина мать подала на стол. Овощи, молоко, творог, хлеб. Но не буханка, а ломти как от домашнего каравая. Аппетит был зверский. Поднимаю глаза, смотрю вокруг – ничего понять не могу. Какое-то всё старое, самодельное. Свеча в подсвечнике заплывшая, будто постоянно горит. А телевизора в комнате – нет! Никакого, даже старенького или самого дешёвого. Удивился – как это в доме ящика нет! Так не бывает!

Знаю, правда, одного отцовского приятеля, так у него телика нет принципиально. Мешает, говорит, только, а новости по Интернету узнать можно. Но это по идейным соображениям, а здесь что?

Смотрю внимательнее. Ни люстры, ни абажура под потолком. Вдруг замечаю – нет ни проводки, ни выключателей, ни розеток – ни-че-го такого. О компе, стало быть, и говорить нечего. Электричество что ли сюда не провели? Да быть того не может! Вечером уличные лампы светили, до деревни от столба к столбу шёл.

Замечаю отрывной календарь на стене. У нас дома на моей памяти такого никогда не было, и вообще ни у кого не видел – а тут висит. Понятно, деревня – что с них взять? И дата

крупно так напечатана – двадцать пятое. Это как? Вчера было седьмое августа, точно помню. Значит, сегодня восьмое. Может, листки с двадцать пятого июля почему-то не отрывают?

А Стёпка из дома зовёт. Бежим к Волге мимо церкви, где вчера был. Что такое? Никакие не развалины, стоит себе почти как новенькая. Люди выходят. И ограда вокруг, солидная такая решётка с каменными столбами. Но ведь только вечером шёл – совсем не так всё здесь было! Или это у меня тараканы в голове? Вот только вчера или сегодня?

Стою как вкопанный. Стёпка тоже остановился, смотрит на меня. Я – на него. И оба ничего не понимаем.

– Ты чего? – спрашивает.

– Да вот, вчера здесь почти развалины были, а сегодня церковь с оградой.

Тут он пальцем у виска покрутил:

– Какие развалины? Ей уж больше ста лет. Сколько себя помню, всегда такая была. Меня в ней и крестили.

– Давно?

– Что давно?

– Крестили.

– А как родился. Как же иначе?

Понимаешь, Миша, тут я испугался. Не знал пока чего именно, но испугался. Не по себе точно стало.

Спустились к Волге, побежали по берегу за деревню. Стёпка сказал, они там купаются.

По дороге ещё три его приятеля присоединились. Смотрю, пляжик такой небольшой. Песок среди камней.

Раздеваемся. Они на меня глаза таращат, на мои плавки пальцем показывают. Смотрю на них – стоят голые и ничуть не стесняются. Не то чтобы меня это сильно удивило – в бассейновом душе до и после тренировки все так, ничего особенного. Но всё-таки...

– Что, впервые видите? Это плавки называются, – говорю, и даже вызывающе. Что за идиоты? – В них нормальные люди плавают. А вы что, всегда так? Вдруг девчонки сюда придут?

– А такого быть не может, – отвечают. – Разве что подсмотреть дуре какой захочется – так на всю деревню ославят. А вместе никогда не купаемся.

– А взрослые как? – спрашиваю.

– Они в исподнем или если господ, то в длинных рубахах.

И говорят всё это спокойно, будто так везде и всегда, а я с Марса свалился. Ладно хоть подкол насчёт нормальных людей не поняли. А может, внимания не обратили. Я даже застеснялся, будто это я голый среди одетых. Махнул рукой, скинул плавки и в воду. Ещё подумал тогда, их сушить долго, а если сразу оденусь, так джинсы промокнут и до поезда по дороге не высохнут. А так ветром быстро обдует, и можно одеваться.

Что сразу поразило – вода чистая-чистая. Я в Волге редко купался. Чуть ли не с детского сада в бассейне, так что летом только от воды и отдыхал. А тут с мая не плавал, разогнался своим вольным, как-никак кандидат в мастера. Через Волгу не рискнул, решил вдоль. Опять же на тот берег голым не выйдешь. Проплыл метров двести, повернул, прибавил, а под конец к берегу без рук на спине, спокойно так, для отдыха. Выхожу из воды, они уже обсохли, оделись – и опять глаза таращат.

– Здорово плаваешь, – говорят.

Так, – отвечаю, – восемь зим тренируюсь.

– Зимой – а где?

– В бассейне.

– А что это такое?

Да что происходит? Откуда они такие дремучие взялись?

И тут я выругался. Не со зла на них, а просто так, от удивления. Ну, как обычно у нас на улице, мы и не замечаем давно. Они аж покраснели:

– Да разве так можно, так только пьянь подзаборная говорит. И отец Александр раньше, когда в школе учились, ругал, да и сейчас нам часто об этом напоминает и строго следит, чтобы не было таких слов. А уж кто скажет чего непотребное, сразу наказание.

Какой отец Александр? Какое наказание? Пацаны деревенские – и чтоб без мата? Какие такие господа в длинных рубахах? Что это за медвежий угол в двадцать первом веке в часе ходьбы от асфальта с машинами и прочей цивилизацией? Куда я попал? Сам я, вообще-то, стараюсь не ругаться. А тут просто голова кругом, каждую минуту новые непонятки.

– Ладно, – говорю, – больше не буду. Случайно как-то получилось.

Вдруг замечаю – они мою одежду внимательно так рассматривают.

– Штанов не видели что ли?

– Нет, – говорят, – таких не видели. Смешно – рыжими нитками сшиты, будто чёрных не нашли. И слова на них зачем-то написаны, да ещё совершенно непонятные, в самом большом только две буквы знаем, А да Е. А что это такое?

Значит, не только Стёпка, а все они впервые джинсы в руках держат. И латиницу видят тоже впервые, если буквы не знают. Даже вранглер не прочитали, не то что рэнглер. Но у нас в школе английский со второго класса. Или у них совсем его нет? И вывески разные, этикетки на латинице – ни разу в жизни им на глаза не попадались? Может, сговорились и разыгрывают меня? А тогда церковь с оградой – тоже розыгрыш?

Посмотрел на них повнимательней. Все босиком. Одежда ничего особенного. Штаны да рубахи безо всяких лейблов, молний, заклёпок. Ну и что, что их нет? Зато заплаты есть, пришиты аккуратно, почти как у хиппи на фотках. Подумал было, может, под них косят? Да вроде бы не похоже. Лица у всех вполне нормальные, необкуренные, смотрят осмысленно. И говорят без выкрутасов, не на олбанском. Вдруг замечаю – они меня тоже рассматривают чуть ли не сверху донизу со всех сторон. А что во мне такого можно увидеть? Всё как у всех. Это у них что-то не так!

И тут до меня дошло, что я голый перед ними стою. Хоть и пацаны одни рядом, а всё равно как-то сразу неудобно стало, даже покраснел:

– Ну, так хоть плавки отдайте, а остальное смотрите себе.

– Да ладно, одевайся.

Собрался быстро, они ещё на молнию внимание обратили, пришлось объяснять. Пошли наверх. В голове – сам не знаю что. Деревня, конечно, не город, понятно. Одеваются проще. Но чтобы молнии на штанах никогда не видели? Джинсов?! Отец рассказывал, когда ему как мне было, ими друг перед другом ещё хвастались. А про времена деда и говорить нечего – не все достать могли! Стоили чуть ли не как велосипед! Не сразу поверил, что так могло быть. А сейчас это рабочая одежда, все кому не лень носят. В прошлом году с отцом в деревне у магазина остановились, так на ступеньках старик сидел в валенках с галошами, в фуфайке – это летом-то – и в джинсах! Раньше он, наверное, и слова такого не знал, не то что увидеть. И ещё деда одного видел – траву косил, ну прямо как здесь. Седая борода, рубаха длинная ниже пояса. Только рубаха джинсовая и в руках триммер. А деревня ничуть не столичнее этой. Почему же здесь джинсов ни на ком нет? Хотя бы самых дешёвых, секондхэндовских? Похоже, они и слово это не поймут! Машин дорогих не вижу – понятно, откуда им здесь взяться? Но ведь никаких! А в деревнях вдоль дороги, когда в мышиный музей ехал, чуть ли не у каждого дома гараж, а о припаркованных и говорить нечего. В деревенских домах бывал, но мебель там не самодельная и телевизоры у всех, даже спутниковые тарелки попадают.

Стёпка на правах хозяина домой зовёт. Иду, по сторонам оглядываюсь. Ни столбов, ни проводов. У домов телеги. Кино, да и только. Свернули к дому.

– Слушай, тут у тебя из штанов, пока мы их рассматривали, штука непонятная выпала. Я не стал никому показывать, держи, – и подаёт мне мобильник. – А что это такое?

Я на него чуть глаза не вылупил – ещё и мобильник впервые видит! В городе их давно уже чуть ли не в детский сад таскают. Ладно у Стёпки своего может не быть, но у кого-нибудь в руках должен был увидеть. Или в телерекламе... Но сразу вспомнил, что у них и телевизора нет:

– Да так, долго объяснять (да и как я ему это объясню?). Отцу надо передать.

– А не бомба какая?

– С чего ты взял?

– Всякое бывает. Не здесь, правда, а в Питере бомбисты по улицам бегают, на царя да чиновников охотятся. Кинут бомбу под ноги – и дёру дают. Отец сказывал, он тогда в Питере у господ служил, года за три до моего рождения царя и убили.

– К-к-какого царя?

Тут у меня в голове что-то начало состыковываться. Все эти джинсы, бейсболка, кроссовки, телевизор, электричество, автомобили, мобильник, о которых здесь ничего не слышали. Неразрушенная церковь, которая за ночь восстановилась из почти развалин. А Стёпка продолжает с каким-то удивлением:

– Александра Второго Освободителя. Ты что, этого не знаешь? Вроде из грамотных...

– Да нет, знаю.

Прикидываю... Ему лет четырнадцать-пятнадцать, как и мне. Да ещё три года... Царя убили в восемьдесят первом. Тысяча восемьсот. Из истории помню, на даты и прочие цифры у меня память хорошая. Так что, здесь сейчас примерно тысяча восемьсот девяносто седьмой-восьмой? Меня аж в пот бросило. Понял, что попал куда-то не туда. За ночь лет сто назад прошло, даже больше. Вот тут я испугался по-настоящему.

Всё это Ника почти выпалил, говорил без перерывов, эмоции били через край. Похоже, выговориться хотел, благо шанс появился. Да и я его рассказом увлёкся и не сразу реагирую, когда он замолк:

– Та-ак, понятно...

Хотя что здесь может быть понятно? Ника совершенно естественно и моментально на тех же эмоциях перехватывает:

– Да что тебе понятно! Ты сам-то давно здесь? Как сюда попал?

– Вчера вечером сидел на берегу, пиво пил, и всего-то бутылочку. Потом вдруг стемнело, а стало рассветать – и вокруг всё вот это, – говорю вроде бы спокойно, но нерешительно и ловлю себя на извиняющихся интонациях.

– Стало быть, ещё не понял, что ты здесь никто.

– Как никто?

– Очень просто. Ты что сейчас собираешься делать?

– Ну, что... Пройдусь по набережной, немного поснимаю, пока аккумулятор не сел...

– Это ладно – пройдёшься, поснимаешь, воздухом здешним подышишь, людей посмотришь, себя покажешь. А через час, два, вечером, завтра? Ты есть хочешь?

– Вроде бы...

– Именно вроде бы! И куда пойдёшь обедать? Домой? В пиццерию на Крестовой? А платить чем будешь? Что у тебя в кошельке? Карточка? А терминал найдёшь? А может, жалованье у Журавлёва или там у Аксёнова вчера получил?

Ника буквально атакует меня, не давая времени хоть что-то сообразить. Не успеваю даже зацепиться за знакомые мне знаменитые здешние фамилии и чисто механически достаю бумажник. Атака продолжается, даже с иронией:

– Конечно, Аполлон без штанов на квадриге, Пётр на Соловках и Ярослав Мудрый с тортом! У меня такие с прошлого года остались, правда, без Ярослава. Держу как память. А это что – империалы? – он выуживает несколько жёлтых десяток. – Богатый человек! Вот только блестят плохо, позатерлись.

Ну, этим меня не купишь, не на того напал. Видел я империалы, даже аверс-реверс под лупой рассматривал – и старые, и новые, полуторные, о которых здесь узнают нескоро.

– Что делать, старые. Песочком почищу, засверкают. Только размером великоваты, разве что подпилить или отмасштабировать как-нибудь. А у тебя что, империалов полные карманы? Так домой пора, золотишко и там пригодится.

Понимаю, что старые получились каламбурно. Можно, конечно, золотую нумизматическую тему немного развить, попытаться хоть как-то поставить осмелевшего юнца на место. Но не буду, поскольку Ника и без того явно смущается:

– Откуда... Даже в руках не держал. Так, видел раза два.

Однако тут же снова переходит в наступление:

– А ночевать где будешь? Поужинаешь под телевизор, чашка кофе и к жене под бок?

– Я сейчас не женат, и вообще тебе ещё рано об этом говорить, – последние слова звучат совсем беспомощно, если не сказать глупо.

– Значит, вечером к подруге собираешься? Или сегодня домой, поскольку впечатлений полные карманы, переварить всё это надо, а с ней завтра созвонишься? Вообще-то мне почти пятнадцать, не маленький. Что детей не в капусте находят и царь Салтан с молодой царицей в спальне не в ладушки играли, знаю, представь себе. Ночью мобильник зарядишь, новости по телевизору или из сети, потом в каких-нибудь одноклассниках... Продвинутый, небось! А утром опять в девятнадцатый век по набережной прогуляться? Или сразу в пятнадцатый для разнообразия? Чего мелочиться?

Мне остаётся только молчать. И чем я могу ему возразить? Разве что в соцсетях не торчу, так, заглядываю изредка. Если бы только это!.. Пятнадцатилетний щенок загнал меня, вдвое с лишним старшего, в угол. Надо как-то отступить.

– Но ты же смог устроиться... Надо вместе держаться, разберусь что к чему, там увидим.

– Да уж что с тобой делать... Выручать надо.

Последняя фраза звучит с нескрываемым чувством явного превосходства. Скажи мне что-то подобное такой паренёк ещё вчера – точно бы рассмеялся, да и отшил как-нибудь. Как он меня выручит, чему научит! Молоко на губах не обсохло! Но здесь...

Ника понимает моё молчание и так же уверенно продолжает:

– Значит так. Я сегодня учусь, и опаздывать в гимназию нельзя. Это не наша школа, зачем лишние проблемы. Но в половине второго буду свободен, и мы встретимся.

Он буквально диктует свои условия, видимо не предполагая, что я могу сказать хоть что-то против:

– У тебя деньги здешние есть?

Я показываю пачку. Ника с заметным удивлением перебирает, рассматривает петеньку с обеих сторон и даже на свет и наконец разочарованно тянет:

– Это не то.

– Да я и сам понимаю. Но что есть.

– Даже рубли пока не трогай, а остальное вообще спрячь. Потом разберёмся. Вот тебе немного мелочи, перекусить хватит. На Мытном рынке или на Торговой всегда найдёшь пирожки, кулебяки и квас. Цены копеечные, позавтракаешь. Когда поймёшь что к чему, будет легче. Встречаемся здесь. Я побежал. Пока.

Пока. Хоть что-то понятно. Где и когда. А вот что – пока всего лишь что-то.

Глава 5

Ника убежал, а я остаюсь переваривать услышанное. Рассказал мальчик много и подробно, с кучей разных мелочей, что вполне понятно – возраст, впечатлительный, память хорошая. Не то чтобы он меня полностью ошаршил – кое-что я успел понять и до него.

Сам по себе всплывает в голове старый фильм. Герой в незнакомом городе на другом берегу океана, без денег и документов. И как-то выкручивается. Что у меня? Незнакомый знакомый город. Жилья нет, но часов через двенадцать надо будет где-то заночевать. Банковского билета в миллион фунтов стерлингов нет, только мелочь, полученная от Ники. Джековы деньги по причине жёсткости пока что не годятся даже в качестве туалетной бумаги. С языком всё ясно, за сто лет он изменился мало. Аборигены меня поймут, ежели не на жаргоне буду общаться. Впрочем, за последнее время поумнел, к тридцати годам перешёл на нормальный язык, хотя студенческий сленг ещё проскакивает. Но следить за речью всё равно придётся. Реалии своего времени надо забыть. Здесь нет электричества, радио и всего, что с этим связано. В сущности, всё это похоже на некую игру с изначальными ограничениями. Заиграюсь, забуду, пообещаю кому-нибудь позвонить завтра с утра – ничего страшного, как-нибудь выпутаюсь. Не Штирлиц в логове врага. Ладно, поживём – увидим.

А места, о которых Ника рассказал, – знакомые. Родник – сам туда хожу с такими же бутылками. Не то что колодезная вода не нравится – просто привык, ритуал такой. Деревня с церковью – Сельцово, другой там нет. И в развалины храма, который когда-то был Преображенским, захожу иногда. Захожу просто так. То ли из прошлого хочу что-то вытащить, то ли ещё почему – не знаю. Однако Преображенским он только был или и сейчас им несмотря ни на что остаётся? Если когда-нибудь сподобятся вернуть его к жизни, должны будут освятить. Стало быть, сейчас он вроде как никакой, безымянный. Это я понимаю. Но, с другой стороны, люди, построив храм в конце восемнадцатого века, вроде бы отпустили его в самостоятельную жизнь, а сами только приходили под его своды. Приходили каждый со своим, признавая тем самым его власть. Однажды пришли разрушители, с каменной плотью они кое-как совладали. Не до конца, правда, но для отчёта, видимо, хватило. А вот с духом у них, похоже, не получилось. Что-то в храме такое осталось. Чувство всегда какое-то странное, будто не в развалины захожу, а в недоступный никому мир, живущий по своим законам. Может, этот самый мир именно Нику и приглядел? Приглядел, потом преобразил всё вокруг. Но для чего?

Впрочем, вряд ли. Он же потом домой звонил, пока к лесу шёл. И это было ещё в нашем времени. Да и я попал сюда безо всякого храма. Или это Волга меня ночью на берегу выбрала?

Однако что-то много безответных вопросов появляется. Может, эмоции захлёстывают? Самое лучшее сейчас – просто отвлечься, посмотреть на Волгу. Спешить некуда. До половины второго ещё... Смотрю на часы. Семь.

Глазами вверх на колокольню. И вчера посмотрел бы так же. Почти половина десятого. Ставлю часы. Ладно хоть механические. Заводная головка и в каменном веке не подведёт. Бьют куранты – как-то ярче и богаче. Ну да, колокола сбросят только через тридцать с лишком лет, но ни сами колокола, ни звонари об этом не знают. А когда через много лет появятся новые, самого большого не будет. Странная мысль – колокола как живые существа. Что они знать могут? Мистика? А ты сам здесь – не мистика? В командировку от института экспериментальной истории приехал материал для диссертации собирать? Несмышлёных предков, ни джинсов, ни компьютера не видевших, уму-разуму учить? А может, учиться у них? Но чему? Жизни?.. Это не ответ...

Но почему именно я? Жаловался на глупости века двадцать первого? Было такое. Но ведь не на берегу. И кто не жалуется на жизнь? На любом форуме, в половине блогов кроют нашу разлюбленную эпоху во всех направлениях по полной программе. Ищущих много, а обрящети – мне выпало? Наказание? А может, шанс? Но какой? От кого? И дальше – что? Или куда?

Ещё немного, и крыша точно поедет. Действительно, пора отвлечься.

«Боярышня» с «Боголюбским» так и стоят у причалов. Интересная пара – белая мадонна. Правда, лорд, то бишь князь, даже князь Андрей, тоже белый. Но это уже детали. Пусть будет в белом фраке. А боярышней, хоть и явно старомодно звучит, можно Наташу Ростову назвать. Чем не пара?

А куда, кстати, пароходы ходят? Для Шексны вроде великоваты. Плотины ещё нет, Волга вверх, помнится, несудоходна. Разве что до Мологи. Копался бы в истории посерьёзнее – знал бы. Ладно, узнаем. И Мологу интересно посмотреть. Недалеко от неё должна быть деревня, где прадед родился. Боброво.

Покойный Макарыч, главный всего этого наш знаток, как-то в музее Мологи показал мне нарисованную карту со всеми затопленными деревнями, сёлами, храмами. Простенькая такая, как ненастоящая. Деревень множество – и жирный контур береговой линии как удавка их все охватывает. Кто в удавку не попал – может, и повезло. Может – потому что и из них не все целы. Боброво – попало...

Правда, летом девяносто восьмого прадеда в Боброве нет. Ему уже семнадцать (забавно – прадеду семнадцать, правнуку в том же году за тридцать). Он сейчас третье лето плавает на баржах в Петербург, сюда возвращается только на зиму, но этой осенью поедет в город – и на всю жизнь. Женится только через пять лет на белошвейке, моей будущей прабабке, так что пока один. Интересно: увижу – узнаю?

И вообще, эффект бабочки – он существует или это выдумка наших кабинетных романистов-сценаристов? Экспериментировать, однако, боязно. Конечно, если раздавлю только бабочку, вряд ли что-то изменится в будущем, серьёзный гром не грянет. Не тот срок. Однако буду поосторожнее.

– Простите, сударь, я здесь каждое утро прогуливаюсь, но Вас первый раз вижу.

Оборачиваюсь. Вполне благообразный дед в светлом костюме и с тростью. Лёгкая то ли шляпа, то ли панама. Не знаю, как она здесь называется. Канотье с фотографии Волькиного деда, которое носил Хоттабыч? Или которую, потому что шляпа? Попробуем поймать его тон и поговорить.

– Я только вчера приехал сюда и с утра решил посмотреть город.

– Позвольте представиться: Александр Павлович, учитель на пенсии.

– Очень приятно. Михаил.

– А по отчеству, извините?

– Дмитриевич, но можно просто...

– Как это просто? Вы взрослый человек, хотя и много младше меня. Мы незнакомы, и у меня нет никакого права называть Вас по имени и тем самым показывать себя невоспитанным. Как я понимаю, Вы не местный. Вам нравится? Вы на Волге раньше бывали?

Бывал ли я на Волге? Да если я расскажу хоть немного из того, что знаю, ты, дед, с ума сойдёшь! Однако отвечаю соответствующе:

– Впервые Волгу вижу. Красиво...

– Не сочтите за назойливость, Михаил Дмитриевич, просто старческое любопытство. Вы здесь по делам или просто так?

– На пару дней приехал к знакомым.

– На пару дней – это как?

– Что – как? – я не очень понимаю вопрос.

– Молодой человек, я всю жизнь преподавал словесность в гимназии, знаю пару брюк, пиджачную пару. Есть пара чайная, пара семейная. Два сапога – пара. Но пара дней! Дни не могут быть парными! Это не по-русски. Вас где этому безобразию учили?

Ну вот, первый прокол. У нас и не заметит никто, а здесь, похоже, ухо режет. Утренние мужички, конечно, тоже не среагировали бы. Но учитель словесности, да ещё воспитанный, небось, на классическом русском романе, сразу просёк.

Просёк! Если я сейчас это слово вверну, он дара речи лишится. А где учили, того университета нет ещё. Тем более что правильной русской речи у нас толком вообще нигде не учат.

Видимо, моё молчание старик понимает как согласие, поэтому вполне миролюбиво продолжает:

– Ладно, не буду Вас мучить. Не новость, что молодёжь нынешняя русский язык не знает. Только уж запомните, пожалуйста, что по этой паре дней (он как-то особенно её выделил) будут судить не только об уровне Вашей грамотности, но и вообще о Вас. Если, конечно, Вы окажетесь в приличном месте.

Эх, дед! Нынешняя молодёжь не знает! Здешняя. Услышь ты нашу молодёжь, не такое бы сказал. А ежели бы в уши твои попало, что с экрана сыплется, так бы сразу и в мир иной от всего этого сбежал.

– Спасибо, Александр Павлович, постараюсь от этой пары избавиться.

– Ну и славно. Позвольте откланяться, не буду Вас отвлекать от столь приятного созерцания нашей Волги.

Дед старомодно приподнимает шляпу-панаму и идёт дальше.

Первый диалог в девятнадцатом веке. Как-то сами собой в моей речи проявились вполне приличные в духе здешнего времени слишком правильные фразы. Похоже, старик ничего не заподозрил. А что он, собственно, мог увидеть? И я хорош, ни о чём не расспросил. А о чём должен был? Как они без радио живут? Ага, и ещё без телевизора с Интернетом. Вопросы идиота. И другие вряд ли были бы умнее. Так что пока только молчать и слушать. А говорить – так только с Никой.

Одиннадцатый час, есть хочется. Пойду на Мытный.

Поворачиваю назад, иду по набережной. Чтобы зайти внутрь, придётся либо площадь пересечь и выйти на Крестовую, либо весь рыночный квартал пройти чуть ли не до Стоялой. Потому как с Крестовой на рынок два входа по краям, а с берега почему-то один, хотя явно напрашивается второй. Смотрю вперёд. По всему боковому фасаду галерея. Надо будет снимочек сделать, только сначала съем хоть что-нибудь. С набережной, где этот второй вход напрашивается, прямо в дом въезжает телега. Уверенно, как и должно быть при въезде под арку. Иду туда. Действительно, ворота, арка и вход. Значит, не зря напрашивается, был! Интересно, в каком году заложили? Одновременно с галереей или позже?

Сразу за входом небольшой навес. За прилавком разбитной малый моих лет. Гора пирожков и бочонок с чем-то. Надо бы присмотреться, что почём. Тем более что ни ценников, ни меню какого-никакого нет. Смотрю, мужик берёт три пирожка, подаёт какой-то медяк, да ещё и сдачу получает.

Достаю Никину мелочь. Из меди самый крупный здесь пятак, это я и раньше знал. Его и подаю.

– Каких тебе пирогов-то, барин?

– А какие есть?

– А любые – с трепухой, с картошкой, с грибами солёными.

– Ну и дайте всех по одному.

– Ишь ты, дайте, на вы мне говорит. Откуда такой взялся? Неужто из столицы какой?

– А с чего Вы взяли?

– Да только там скубенты всякие с простым народом так разговаривают. И с чего бы? А здесь мне так, почитай, впервые сказали. Ну ладно, вот Вам, барин, с пятака три копейки сдачи и четвёртый пирог впридачу. Они у меня на копейку пара!

Сейчас сыт буду. Сяду на обрыве в траву и спокойно поем. Выхожу под арку, перехожу дорогу, спускаюсь вниз, где утром дремал. Сажусь. В руке уже три пирожка, один дожёвываю. Так и не понял с чем. Значит, здорово голоден. Со студенческих времён такого не было.

Остальные ем медленнее. Чувствую и трепуху, и всё остальное. Надо бы запить. Может, «Бендтъ» открылся?

Подхожу. Окошко открыто. За стакан минеральной воды взяли три копейки. Ничего себе, четыре пирожка и то дешевле оказались!

Вот теперь можно и пройтись не спеша. Сколько у меня в запасе? Ого, ещё полтора часа. Далеко уходить нет смысла, а по кварталу-другому да около пристаней вполне можно прогуляться.

Галерея Мучных рядов вдоль Красной пока ещё цела. Конечно, не Гостиный в Питере, а всё равно красиво. Лавки, народ толпится. Обживусь, надо будет посмотреть, кто чем торгует. Просто интересно. Да и кто знает, как здесь жить придётся. Бомжевать и побираться явно не буду, не тот характер. Значит, придётся как-нибудь зарабатывать на жизнь. Это если здесь надолго задержусь. А как надолго? Ника почти год здесь, устроился. Пока непонятно, он домой уже хочет или ему здесь ещё интересно. А может, вполне благоденствует и никуда отсюда не собирается?

Непохоже. В голосе что-то чувствуется. Тоска не тоска, но что-то было. А ведь он только начало своё здесь рассказал, первые полдня. Но как он в гимназию попал – и не в приготовительный класс? Наверняка класс шестой-седьмой, если по возрасту. Не по своему же паспорту учился! Да и паспорта в девятнадцатом веке явно не в четырнадцать лет выдавали. И потом, он ещё ребёнок, хоть и хорохорится. Юридически ребёнок. И в гимназию его должны были устраивать родители или кто-то в этом роде. Ну не могли принять ни в какую гимназию паренька с улицы безо всяких документов! Разве что в годы войны какой или смуты, когда трупы на дорогах и толпы голодных сирот. Так тогда не до гимназий, хоть в приют, чтобы с голоду не умереть. И фамилию бы с его слов записали. А тут вполне благополучное время и невесть откуда свалившийся в него мальчик. Да, умный, да, знающий то, о чём здесь и не подозревают. Но эти знания он никому предъявить не может! В лучшем случае за фантазёра сочтут. Впрочем, это всё потом. Сначала, как пишут в шпионских романах, легализация. Значит, должно быть какое-никакое свидетельство о рождении, или как оно здесь называется – метрика? А если класс не первый, что очевидно, то какие-нибудь бумаги хотя бы из другой гимназии. Опять же плата за обучение. Если он застрял у этого Стёпки, то на правах крестьянского сына. Конечно, с середины девятнадцатого века сословные грани понемногу уже стирались, вчерашние кре-

постные миллионщиками становились, дети их в университетах учились, но здесь-то подросток пятнадцати неполных лет без каких бы то ни было связей. Благодетель нашёлся?

А может, резидент наш какой здесь внедрён? Живёт этаким купчиком и всех иновременцев принимает – вот и слово само собой придумалось. Нику в гимназию устроил, да так, что он и сам не понял. Думает, случайно повезло. И меня в половине второго сразу проводит куда надо, там регистрируют чин чином, документы уже готовы. Ника по дороге в гимназию на явочную квартиру забежал, о моём прибытии доложил. А резидент ФИО по своим каналам запросил или сам придумал – какая разница... И все слова Ники насчёт никто здесь просто так. Пошутить-попугать? Задание получу. Ту же книгу писать, идея которой в голове. Может, потому я и попал сюда? Тогда и у Ники какая-то фантазия была. Интересно, какая?

Или кто диссертацию по гимназическому образованию пишет? Эксперимент организовал, Нику внедрил... С его согласия или без? Хотя его согласия мало, родители есть. Впрочем, ежели, допустим, мать собралась защищаться, тогда проще.

Однако я вроде бы запутался – эта логическая цепочка закольцевалась. Если я здесь неслучайно, хотя думаю, что случайно, тогда Ника тоже неслучайно, хотя по его словам похоже, что случайно. Или он такой хороший актёр?

Ладно, сам расскажет, не выдержит. Может, начитавшись детективов, сейчас думает, что меня к нему для связи прислали (хотя сам я такое почти не читаю, но что-то подобное выстроилось). Наверное, на уроке ёрзает, шило в скамье, минуты считает. Пойду посмотрю перевоз.

Спускаюсь по Купеческому. Причал. Подходит баржа на буксире. Похоже, это и есть паром. Сходит-заходит публика. Самая разная. Может, и мне на тот берег отправиться да этим же рейсом и обратно вернуться? На город без новой биржи посмотреть.

Будка на причале. Передо мной мужик платит за двоих три копейки без сдачи. Ясно, даю две, получаю полкопейки назад. Стало быть, переправа, если не путаю, за три гроша. Становлюсь персонажем трёхгрошовой оперы? Или три гроша надежды? На что?

Баржа отваливает. Смотрю на публику. Бабы с гремящими бидонами. Молоко продали, домой возвращаются. Есть люди и почище – похоже, дачники. Конец мая, видимо, сезон начинается. Всем туда-сюда надо. И я со своим неопределённым настоящим и ещё менее определённым будущим. То ли прогрессор-регрессор по-стругацки непонятный, то ли ещё кто. А главное – бабочек не давить.

Рядом слева молочницы стоят. Что постарше, тараторит:

– Чего молоко в город было возить, всё дачники разбирали. А тут Марья Сергеевна возьми и откажись!

– А почему вдруг? Она четверых своих на лето привезла да двух племянников, молока-то много надо.

– Вот и я о том же говорю! А что получилось? У меня летом в каждом бидоне большом лягушка сидит – молоко дольше не киснет. И ничего в этом особенного – и мать моя, и бабка так делали.

– Ну да, и у меня так же.

– Вот-вот. А тут понесла ей молоко, а лягушку вытащить забыла. Уж как забыла, ума не приложу. Молоко переливаю, а она возьми да и прыгни! Что тут было! Плач, крики! Не будем, говорит, больше вашего молока пить. А я говорю, Марья Сергеевна, голубушка, не бойтесь Вы, у меня всегда лягушки в молоке были, не киснет оно так. Нет, говорит, не знала – и не знала. А теперь не могу. Вот и пришлось в город везти. Полдня потеряла. Надо завтра новых дачников искать. Каждый день не наездишься.

– Да уж, капризные эти городские. Но что делать?

Лягушка в молоке – кто-то мне рассказывал это раньше. Да сестра бабушкиной соседки, которая всю жизнь в деревне прожила и сама так молоко хранила. Холодильников не было, если в колодец бидон спускать, то только в свой. И чтобы вода в молоко не попала. С лягушкой проще.

Смотрю вправо. Два мужика обсуждают цены на доски для флигеля. То ли себе, то ли подрядились кому-нибудь построить. Разговор как разговор. Лесу на восемь восемьдесят пять, гвоздей на пятьдесят копеек, кровельщику за работу семь восемьдесят, ещё что-то. И всего за флигель шестьсот рублей. Много или мало – кто ж его знает...

Впереди берег. Справа к Шексне знаменитая усадьба – по открыткам помню. Жаль всё же, что в истории города копался, открытки рассматривал – сейчас было бы всё внове. Гуляй по городу и открытия делай. А тут ходишь да старые виды вспоминаешь.

– Приехали, выходить пора! – раздаётся сзади.

– Да я обратно поеду.

– Как знаете.

Подаю копейку с половиной.

Теперь смотрю на город. Кажется, всё на месте кроме новой биржи и элеватора. Да, и каланчи не видно. Модерновой ещё нет, а старая мелковата, чтобы с Волги быть заметной. Это если направо не смотреть, где давно уже от девяти этажей и выше. В будущем, конечно, времени. Буксир тащится медленно, по сторонам множество барж. Кажется, по ним всю Волгу перейти можно. Пристани вверх чуть ли не до горизонта. Одни баржи уходят, другие швартуются, третьи стоят на якоре, очереди ждут. Всё работает.

Схожу на берег. Начало второго, скоро Ника подойдёт, учить меня уму-разуму будет. Время созерцания, похоже, заканчивается.

Глава 6

– Ну и как в гимназии?

– Что ты как отец спрашиваешь?

– А что, тебя отец каждый день о гимназических подвигах допытывается? Как там по латыни, греческому, опять же закону божьему? И информатику, небось, не забывает. Чай, самый любимый твой предмет здесь. Звонит тебе оттуда, как же без контроля родительского, деньги на твой номер кладёт, непонятно, правда, по какому курсу (или автоплатёж для удобства?), а ты, естественно, всегда доступен. Мол, брюки наглажены, мундирчик чистенький, замечаний нет, в карцер не попадал ни разу и вообще через неделю на каникулы приеду, на дискотеке оттянусь...

– Миш, ты хохмишь или издеваешься?

– Уже в рифму начал? Ладно, не нервничай. Так, шутить пытаюсь. Что мне ещё остаётся делать? Между прочим, я вдвое старше тебя, больше чем на пятнадцать лет. Это или очень старший брат, или очень юный отец. Так что, почему и не спросить...

– Как это очень юный отец? Мне ведь сейчас почти пятнадцать. Что, уже пора?..

– Да успокойся ты. Не красней. Я видел, как ты бежал сюда, дышал как паровоз. Надо было тебя как-то успокоить, отвлечь. Вот сейчас всё в порядке. Рассказывай.

– О чём?

– Не об оценках же. Это потом как-нибудь.

– Да что гимназия! Я сегодня места себе не находил!

– Я так и думал.

– Почему?

– Я считал тебя умнее. Ты встречаешь утром человека из своего времени, весь на эмоциях начинаешь рассказывать ему свою историю, обрываешь на половине и убегаешь в гимназию. И я поверю, что ты мог от всего этого на полдня отключиться, сидеть себе на уроках и о них только думать?

– Действительно. А ты как?

– А что я? Съел несколько пирожков, побродил по берегу, перебрался за Волгу на пароме и сразу вернулся. Да, встретил какого-то деда, бывшего учителя словесности, он меня русской речи учил.

– А, знаю. Александр Павлович. Вижу его иногда. Но он на пенсию ещё до меня вышел, я у него не учился. И всё?

– А что ещё?

– Как что? Даже если за эти полдня ты понял, где находишься, и спокойно смотрел по сторонам, меня ты тоже вряд ли ждал просто так.

– А кто ты такой, чтобы я нервничал? Королева Елизавета?

– Миша, ты что, год здешний забыл? Мы не дома. В Англии правит Виктория. Помнишь, кино было? Только там она молодая...

Помню, конечно. И не только кино. Сказал так просто, мог хоть Джонни Деппа назвать, хоть Петра Первого. Но Ника ответил с ходу. Газеты читает?

– Да, ещё три года старушке царствовать. Извини, просто шутки отвлекают.

– Шутки отвлекают, проблемы остаются. Я же утром тебя вопросами закидал, и ты ни на один не ответил. Стоял передо мной как приготишка, хотя дома было бы совершенно наоборот. Наверняка и ты весь день хотел отвлечься, да не получалось...

– Примерно так...

– Так что оба мы друг друга ждали. Значит, и быть нам вместе.

– Это я ещё утром понял. Братья из будущего – звучит?

- Да уж не отец и сын.
- Ладно, пошутил. Иногда нужно.

Мы замолкаем. Со стороны – стоят два приятеля, о чём-то спорят. Взяли паузу. То ли наговорились, то ли хотят продолжить разговор и уступают друг другу это право. Ника не выдерживает первый.

– Так что ты делать здесь будешь?

– А ты?

– А что я? Нормальный гимназист после уроков идёт домой и готовится на завтра. Через неделю каникулы, идут последние контрольные...

– Ты и в той жизни был такой правильный?

– Нет, конечно. Там комп со стрелялками, телик, друзей полно. Да ты и сам знаешь. Уроки разве что, как говорила мама, с большой ленью к вечеру.

– А тут что?

– С компом и теликом всё ясно. Друзей мало – всего одна гимназия в городе. Да и город-то всего ничего. Дискотека – и слова такого не знают. На Рождество бал мужской и женской гимназий под жутким контролем. Нашему классу на него разрешили пойти впервые, доросли, значит, поэтому перед балом все срочно учили танцы. Красивые, но какие-то против наших скучные. И всё. Остаётся быть таким правильным – книги читать да учиться. Да мне это просто интересно, будто я в игре какой. Ничего, на каникулы в деревню, там веселее.

– К Стёпке?

– Запомнил? К ним, я у них вроде сына.

– А как это получилось – от крестьянского сына до гимназиста? И без документов...

– Потом расскажу. Сейчас пойдём ко мне.

– Это куда?

– На Малую Казанскую около церкви, мне там комнатку снимают.

– И что?

– Попробую уговорить хозяйку приютить тебя на неделю до каникул, потом уедем в деревню, там можно наняться в работники на лето. Крыша над головой, да и заработаешь. А потом видно будет. Ты что-нибудь другое придумал?

Что я мог придумать?

Мы идём по набережной до Малой Казанской, потом сворачиваем влево и на середине квартала заходим во двор. От поворота замечаю Казанскую колокольню и принимаю её как-то сразу и совершенно без всякого удивления. Может, старые открытки подготовили? Интересно, когда вернусь домой и приду сюда, удивлюсь, что её нет, или тоже приму как должное? А вот дом, где мне предстоит провести ближайшие несколько дней, совершенно не помню. То ли его уже снесут, то ли просто внимания на него не обращал – небольшой, внешне ничем особо не примечательный и вообще не на виду.

Ника квартировал в среднем доме

Хозяйки нет дома, и Ника ведёт меня к себе наверх. Я далеко не баскетбольного роста, и то голова почти под потолок. Ника немного сутулится.

– После каникул будешь ходить по комнате согнувшись.

– Да уж. Я и так самый длинный в классе.

– Понятно, акселераты появятся лет через шестьдесят. В той жизни, полагаю, повыше тебя встречались, и даже не старшекласники.

– На наших старшекласников здесь бы как на инопланетян смотрели! В своём классе я стоял шестым на физкультуре, а первый на голову выше. Но у него уже усы заметные были, и в баскетбольный интернат осенью собирался. Представляю его здесь у нас на гимнастике...

Комната как комната. Кровать, стол, стул и вешалка. Приют этакого провинциального Родиона Романыча.

– А тебе внизу в чулане место найдётся, – предвосхищает мой вопрос Ника. – Сейчас обед принесу.

Минут десять я пытаюсь придумать, в каком качестве предстать перед хозяйкой. Ничего умнее роли какого-нибудь двоюродного брата из Питера по делам на неделю, а потом в деревню с племянником в голову не приходит.

Ника приносит разогретый суп и хлеб. Съедаем быстро. Можно и отдохнуть.

– Так каким же был путь от крестьянского сына из космического века до гимназиста в российской провинции?

– Всё просто. Сканируются нормальные документы, вбивается новая фамилия – и на принтер.

– Это понятно. Комп у Стёпки в чулане оказался – он там в сети зависает, чтобы родителям в горнице не мешать, сканер у батушки, который его на исповеди использует, в храме на часок позаимствовали. А принтер вообще в каждой избе ещё со времён Петра Великого по его указу в целях просвещения есть. Вот только ты говорил, что у них электричества нет. Нестыковочка получается. Или здесь велодинамо крутят?

– Шутишь?

– Ты первый начал.

– Ладно. Днём посмотрел на календарь. Увидел, что листки всё же отрывают. Двадцать пятое оказалось июлем, и год тысяча восемьсот девяносто седьмой. К вечеру из города приехал Стёпкин отец, дядя Игнат, и по его рассказу я понял, что мне туда ехать незачем. Ещё утром попробовал хоть кого-нибудь вызвонить – пустой номер. Даже сто двенадцать не отвечает. В сеть выйти тоже не получилось. Пришлось попроситься остаться дня на два-три. Дядя Игнат

предположил, что я из дома сбежал, но я вроде убедил его, что всё в порядке и вообще я хороший. Остаться разрешили, с тем что буду возить со Стёпкой сено. А почему бы и нет?

– Но это на два-три дня...

– Да мне в тот вечер вообще показалось, что это сон какой-то. Что утром проснусь у себя дома, врублю комп и пойму, что это было. Может, это всё только со мной случилось – родник такой попался типа не пей, Иванушка, в прошлое попадёшь? Вряд ли, тётка с бутылками – значит, многие туда ходят. А может, не только со мной, и уже на всех форумах жужжат? Типа внушил кто-то всем этот девятнадцатый век, а потом отыграл назад. И ночь будет как прошлая, только в обратном направлении. Вечером пошли спать как стемнело – скучно показалось: ни компа, ни телевизора. Казалось, любую лабуду посмотрел бы с удовольствием. А Стёпка зазвал на сеновал – непривычно, но здорово, сено душистое и мягко. Он меня всё выпрашивал, а я выкручивался. Правду говорить – не поймёт да ещё подумает, что я над ним издеваюсь. Сказал, что живу в Угличе – не далеко и не близко, что в прошлом году полгода жили в Англии, оттуда и одежда. Ну и всякое такое. Даже несколько фраз по-английски выдал. Вроде поверил.

Ника замолкает. Я слушаю достаточно внимательно, всё ещё пытаюсь найти хоть какую зацепку в его рассказе. Зацепку, которая позволит понять всё происходящее. Родник, понятно, совсем не при чём – в этом случае я давно уже был бы где-нибудь у шумеров или охотился на мамонтов. И если бы только я – к этому роднику две деревни ходят. Но попытку анализа перебивает интерес:

– А утром?

– А что утром? На сеновале и проснулся. Сначала кайф от сна и сена, потом всё понял. Утра с противоположным знаком не получилось. Весь день со Стёпкой сено возили, потом на Волге в той же компании и в том же виде. Уже как-то спокойно, будто всю жизнь так. Пацаны смотрели, как плаваю, старались изобразить что-то подобное. Они-то умели только на сажёнках. Со временем немного научились. Я хоть и не тренер, но помнил, как меня учили в бассейне, подсказывал. Потом дядя Игнат понял, что мне никуда отсюда не хочется уходить. Хочешь, говорит, оставайся. Вам со Стёпкой вдвоём веселее будет. Да и научишь его чему-нибудь, что сам знаешь. А то он только читать-писать-считать умеет да закону божьему кое-как обучен. Работать вроде можешь, не лентяй. Я даже покраснел тогда – меня дома особо не за что было хвалить, жил как все. А ежели, сказал, полиция придёт – сам выкручивайся. Скажу только, что прибился сюда, работает за еду. Да и мал ещё, подумалось, чтобы согрешить где да от полиции прятаться. А не будут тебя искать, так и живи. Домой захочешь – помогу добраться. Вот так.

– Но это ты крестьянским сыном стал. До гимназиста ещё далековато. Кстати, ты в каком классе?

– В шестом.

– Я так и подумал. В гимназию поступали, насколько знаю, лет в девять после przygotowательного класса или домашнего обучения. Стало быть, ты примерно со своим возрастом учишься. И как это получилось?

– Миша, у тебя никогда не бывало какого-нибудь необыкновенного везения?

– Какого?

– Ну, когда что-то случается, и ты понимаешь, что и мечтать об этом не смел.

– Например?

– Даже не знаю... Если по мелочи – тебе срочно нужны деньги, немного, но и их под рукой нет. Случайно дают на сдачу лотерейный билет, открываешь – там нужная сумма. А поскольку лотерея моментальная, деньги выдают сразу. Или на экзамене – знаешь один билет, его и вытаскиваешь. Понимаю, что примеры несерьёзные, но ничего умнее в голову не лезет.

– Хочешь сказать, что у тебя что-то подобное?

– Вроде бы. Вот смотри. К августу я от Стёпки уже совсем не отличался. Бегал босиком, джинсы, мобильник и всё прочее было убрано в чулане. Холщовые штаны и рубаха для меня нашлись. Причёска как-то сама собой в заросшей голове растворилась. Да и язык здорово засорился диалектизмами да просторечиями.

– И много ты лингвистических терминов знаешь?

– А я в той жизни в гуманитарном классе учился, так что есть немного. В деревне никто особо не допытывался, откуда я взялся. Для всех я был племянником из Углича, благо у дяди Игната четверо братьев и две сестры да у тётки Марьи, его жены и Стёпкиной матери, пять сестёр. Все кто куда разъехались, замуж повыходили да переженились, так они сами своих племянников сосчитать не могут.

Ну так вот. В начале августа приезжает сестра тётки Марьи с мужем и сыном из Костромы. Я думал, погостить, а оказалось, они оттуда уехали совсем. Муж её каким-то мелким чиновником служил, да со всеми перессорился. Сын их, тоже Никита, как и я, учился в гимназии казённокоштным, то есть от платы был освобождён. Оказалось, что его отец, вроде бы такой невзрачный, в Балканской войне на Шипке отличился. Даже медаль показывал. Он тогда совсем молодым был. И из уважения к заслугам отца Никиту взяли бесплатно, на казённый кошт. Правда, учился средненько.

И хотели они сюда перебраться, а Никиту, значит, в здешнюю гимназию отдать. И документы все с собой были. Как вдруг пришла им в голову мысль вообще уехать на Дальний Восток. Какие-то друзья их давно уже там. Пишут, расхваливают. Земли мол много, а грамотных чиновников мало. Собрались быстро, а Никиту решили было здесь оставить на год учиться, пока там не устроятся. Но он заартачился – учиться надоело, хочу с вами. И тут дяде Игнату пришла в голову мысль – по его документам меня в гимназию устроить. Он давно уже понял, что мне там место. Фотографий в бумагах здешних нет, кто что заподозрит? Меня спросили, хочу ли, так я слова не мог сказать от восторга. Интересно же! Да и на всю жизнь в крестьяне...

– А что? Любой труд, так сказать, почётен, да тебе вроде и нравилось...

– Ну, нравилось. Но мозги-то у меня в двадцать первом веке не под это заточены! Кто его знает, сколько мы ещё здесь пробудем. Так хоть в гимназии поучусь. В общем, отвезли они документы, и меня приняли.

– И ты, конечно, как Волька ибн Алёша, всех поразил своими знаниями?

– Как кто?

– Волька ибн Алёша... Не читал? И кино не видел?

– Не-ет... А что там такое?

Действительно, откуда ему это знать. «Хоттабыч» потрёпанный у меня есть, первая книга, которую отец купил сам, чуть ли не во втором классе, лет пятьдесят назад, если не больше, и фильм явно тех же времён.

– Да там один волшебник заколдовал пацана вроде тебя, и он на географии выдал, что Земля на трёх слонах стоит. А его приятелю, чтобы в кино вечером пустили, быстренько бороду сообразил и дальше в том же духе. Только волшебник из древних был, а у тебя наоборот. Научная фантастика.

– Опять шутишь?

– А что? Главное – не рассказать на уроке физики о радиоактивности, поскольку Беккерель только три года назад её совершенно случайно сподобился открыть, и до здешней гимназии эта новость наверняка ещё не дошла. А строение ядра вообще только мы с тобой можем знать. Ну, и на уроке истории забыть о взятии Зимнего и штурме рейхстага.

– Если бы! Как раз с физикой да историей всё просто – отвечай по учебнику, и далее без проблем. А что делать с латынью, греческим, французским, немецким и русским? О первых двух ни малейшего представления, а в школе я английский учил.

– А что русский? Ты же из гуманитарного класса.
– А что русский? Новая орфография только через двадцать лет будет.
– И что такого? Ставь твёрдый знак на конце, пиши ять да і с точкой.
– А ты случайно старую орфографию не изучал?
– Нет, но тексты читаю свободно.
– Тексты читать не хитро, не церковнославянский, но писать... Буквы-то заменять не везде надо, вот в чём дело.

– Догадываюсь. Ну и как ты?
– Первые две недели дуб дубом. Древние языки, понятно, полный ноль. Французский – хоть что-то пытался, но получалось с английским уклоном. Русский – твёрдый неуд по причине эра, фиты, ижицы и тому подобного. Ещё и почерк совершенно не каллиграфический, и к чернильной ручке пришлось привыкать. Учителя понять ничего не могут – видят, что вроде не тупой, а по языкам проблема на проблеме. Поначалу откровенно списывал в обмен на алгебру с геометрией.

– И ты...
– Что я? Вспомнил, как на кандидата в мастера готовился, когда попахать пришлось по полной. Сказал себе, что до Нового года всё нагоню, и сидел чуть ли не сутками.

– И заслужил в классе репутацию ботаника?
– Не совсем. Я же плаваю... плавал, сил хватает. А на физкультуре здесь слабенькая по нашим меркам гимнастика – чуть ли не с первого урока всё стало даже не то что получаться – первый в классе. В мелких потасовках тоже никому не уступал. Ну и остальное тоже...

– И к Новому году...
– И к Рождеству был в твёрдых середнячках, а сейчас чуть ли не похвальный лист светит. С почерком понемногу наладилось. Да ещё и репетиторством немного подрабатываю. Так что мне здесь вовсе даже не скучно.

– Эх, и правильный же ты... Может, останешься?
– А ты что, за мной сюда прибыл? Знаешь, как вернуться?
В его голосе сразу прорезается уже знакомая мне смесь тоски с надеждой.
– Да нет, если бы я знал...

Молчим. Снизу слышится лязг кастрюль. Ника выходит.
Я пытаюсь осмыслить его рассказ. Какой-то слишком идеальный паренёк, таких не бывает. Но с другой стороны – а что ему ещё делать? Надо же в этом мире как-то устраиваться. Он тут никому не нужен. Я, впрочем, тоже. И пробиться в его возрасте можно только через гимназию, что он и делает. Мне проще. Работу какую-никакую найти можно. Осмотрюсь – а дальше что получится. Впрочем, в веке двадцать первом у меня амбиций хватало, почему бы им не проявиться в девятнадцатом? Правда, образования нет... Вернее диплома здешнего. Да и документов. Ладно, увидим.

Ника возвращается. Всё утряслось. На неделю мне находится место в чулане. Мы спускаемся вниз. Хозяйкой оказывается немолодая уже Лукерья Матвеевна, вдова капитана буксира. Документов не спрашивает – то ли молодому квартиранту своему очень доверяет, то ли посчитала неделю не сроком.

Ужинаем. Ника садится за свои учебники. А у меня на дальнейшие разговоры сил совершенно нет. Да и какие силы? Почти бессонная прошлая ночь, начавшаяся в двадцать первом веке и окончившаяся в девятнадцатом. День, через край полный впечатлений. Я отправляюсь в чулан. Вспоминаю мысль Ники в конце его первого вечера, соглашаюсь, что действительно славно было бы проснуться дома, и с таковой надеждой проваливаюсь в сон.

Глава 7

Как писали в старых романах, ночь прошла без сновидений. Открыв глаза, вижу низкий деревянный потолок. Вспоминаю, где я да что, сетую немного, что обратного хода не случилось. Но совсем немного, поскольку этот мир мне весьма таки интересен. По крайней мере, пока. Загадывать же на будущее смысла нет никакого. Когда вернусь (вернёмся?), вернёмся ли вообще – кто это сейчас знает... И что всё-таки произошло?

Перебираю вчерашний день с захватом позавчерашнего вечера. Камни, ночь, утро, Ника. Интересно, почему битлы? Даже для меня это история. Мой отец или Никин дед – было бы понятно, музыка их поколения, хотя и малодоступная тогда. Я за музыкальной модой лет десять как перестал следить, в плеер закидываю по настроению что захочется здесь и сейчас вплоть до Баха, да и беру его разве что куда в дорогу, в городе он только мешает. А в четырнадцать, помню по одноклассникам, все слушают одно и то же. Битловский ренессанс? Вневременная классика, которую нельзя не знать? А может, случайная запись?

Однако битлы – важно это для понимания всего случившегося? Вряд ли...

Часы на руке – единственная связь с прошлым будущим. Завожу. Начало одиннадцатого, стало быть Ника ушёл, решив меня не будить. Мысленная благодарность ему за это.

Одеваюсь, замечаю на кармане рубашки лейбл. Ерунда, не заметят. А и заметят, так не поймут. Так, пятнышко небольшое, метка для стирки. Да и кто всматриваться будет? Выхожу из чулана. Рукомойник в сенях, ванная в прошлом. Лукерья Матвеевна хозяйничает на кухне. Приветлива. Приглашает позавтракать чем бог послал. Да и что в простом русском доме едят – картошка, овощи, хлеб. Без особых изысков – а вкусно.

Садится напротив. Пока завтракаю, спрашивает о Петербурге. Оказалось, она там была когда-то очень давно – лет тридцать прошло, а то и больше. Ещё при Александре Втором. Сама рассказывает, что помнит, да выспрашивает, что там нового построено. И тут я чуть впросак не попал. То есть Питер-то, конечно, знаю. Пока говорим о Дворце да Адмиралтействе – всё ладно. Правда, чуть было не начинаю рассказывать об Эрмитаже, да вовремя спохватываюсь. Откуда рядовому питерскому обывателю дворцовые интерьеры да лестницы знать, если он, конечно, не какой-нибудь Степан Халтурин?

Но вопрос о соборе Воскресения Христова поначалу ставит в тупик. Ладно Лукерья Матвеевна вспоминает, что после ужасного убийства государя сразу почти стали собирать деньги на строительство храма его памяти, она сама внесла несколько рублей (понимаете, Миша, он же крестьян освободил!), сколько могла. Соображаю, что это храм Спаса-на-крови. Так он уже построен или ещё нет? Строят его, похоже, лет пятнадцать. Да ещё проектирование. Так что вряд ли закончили. Что-то в этом роде и говорю. Мол, на Екатерининском канале, прямо на месте убийства. Даже на часть канала собор выходит. Это как, спрашивает. Сделали под водой фундамент, отвечаю, и стали строить выше. Красивый храм будет (уж это я точно знаю). А когда закончат, не знаете? Да кто ж это кроме самих строителей знает? Лет, наверное, через десять, там много работы.

Потом Лукерья Матвеевна сетует, что перегородка в комнате разваливается. Надо бы Никиту попросить, он безотказный, да у него сейчас экзамены, некогда, уж потом как-нибудь. Да зачем Никиту тревожить, покажите мне, что надо. Молоток да гвозди в доме есть? Конечно.

Руки работают, а в голове уже здешнее. Александр Второй, которого и Ника из-за Стёпки вспомнил, и Лукерья Матвеевна. Почти двадцать лет прошло, поколение сменилось. Для Стёпки это древняя история, на царей давно не охотятся, другим путём идут, уже внук на троне – а все помнят. И, видимо, с хорошей стороны, если почти через полтора десятка лет на нашей Красной площади ему опекушинский памятник поставят.

А ещё через несколько лет снесут. Будто в отместку за это самое освобождение. Может, зря царь всю эту реформу затеял? Правил бы себе да правил безо всяких реформ. Не делай добра – не получишь зла. Памятник, может, и не поставили бы – так и сносить бы не пришлось. И родился бы мой прадед крепостным, как его отец. Ну и далее... Интересно, если бы всё это до меня протянулось, кем бы я был?..

Все эти сослагательные и совершенно нелепые фантазии идут как-то сами собой. Перегородка понемногу приходит в порядок. Лукерья Матвеевна повеселела.

А тут и Ника возвращается. Хвастает хорошими итоговыми баллами по латыни, которую в начале года не знал вообще (были бы весьма хорошие, но латинист, вспомнив сентябрьские провалы, посовестился так оценить). Мы обедаем, причём мой обед сегодня абсолютно заслужен, и идём наверх.

– Что, проснуться дома не получилось? Душ с утра принять, кофе заварить?

Настроение у гимназиста, понятно, бодрое, иронизирует, будто здесь родился. Но и я в эти полдня вроде бы начинаю здесь обживаться, с иронией проблем не будет:

– А тебе лучше, если бы я исчез? Живёшь себе здесь один. Вчерашний день – так, случайная встреча. Заглянул сосед по дому непонятно зачем. Может к Екатерине Второй на бал спешил, да на век промахнулся. Переночевал – и дальше отправился. Гимназия, университет – ты способный, потянешь... К революции карьера начнёт складываться. Тебе будет немного за тридцать.

– Года на три постарше тебя нынешнего. И что? Хочешь спросить, на чью сторону пойду?

– Смысла нет. Если тебе учиться не надоест, в университете будешь только этим и заниматься, все брожения умов пройдут мимо тебя. Затянет наука – это хоть здесь, хоть в эмиграции. В противном случае сейчас всё равно не поймёшь, с кем будешь. Демагогии и там и там полно. Какая затянет – чёрт её знает! Это нормальным здешним гимназистам дело увлекаться – но не тебе, знающему будущее.

– А если будущее переделать?

– Эффект бабочки? Ты о нём слышал?

Ника кивает:

– Так, кое-что. Ты веришь в него?

Ого как спросил! Не что это такое, не есть он или нет. А верю ли! Похоже, мальчик умнее, чем я думал.

– Как тебе сказать... Когда читаю или фильм смотрю – верю. А пытаюсь осмыслить – что-то не то. Может, мы сейчас не в нашем прошлом, а в каком-то параллельном мире, и такого прямого влияния нет...

– А какое есть?

– Да откуда я знаю! Если я здесь женюсь и заведу детей, теоретически могу быть сам себе правнуком. Ты, кстати, тоже.

Ника краснеет:

– Да мне только пятна...

– Да знаю я твои пятнадцать! Ну а лет через пять-семь? Тебе же не навсегда пятнадцать! И мне пятнадцать было, и, представь себе, даже меньше! Под стол пешком ходил! А в своё время будет сорок-пятьдесят-шестьдесят, и тебе тоже, куда денешься! И в начале двадцать первого века ни нас с тобой уже не будет, ни твоих гимназистов. Даже нынешним грудным младенцам – и тем больше ста исполнится. Если кто доживёт.

– Нас с тобой не будет – здешних или тех?

– Всё относительно.

– От ответа уходишь? Так что делать?

– Откуда я знаю? Жить. А что ещё?

– А как жить?

– Как все. Вот ты учишься, взялся всерьёз. И правильно. Дальше увидим.

– А ты как?

– Месяца два-три надо осмотреться. Летом в деревне поработаю, к дяде Игнату твоему в батраки наймусь. Возьмут? Я работать умею.

– Не знаю. Батраку платить надо, а у него есть два работника.

– Ты со Стёпкой?

– А что, мы справляемся...

– Или ещё к кому-нибудь. Много не возьму. Прокормиться – и будет. А к осени посмотрим. Ладно, хватит пока об этом.

Опять молчим. Я подпираю голову руками и чувствую модную в двадцать первом веке двухдневную щетину.

– Ника, а ты случайно не знаешь, как здесь бреются?

– Я не знаю даже, как это делают там. Извини, не дорос ещё. То есть видел, конечно, механические и электрические бритвы в магазинах. У отца была безопасная с лезвиями...

– Я не об этом. Надо будет – сам сумеешь, ничего сложного. Вот только у меня с собой никакой нет. Да безопасную, наверное, ещё и не изобрели... Может, какая у хозяйки от мужа осталась? Спроси.

Ника спускается вниз и скоро возвращается с клинком.

– Только такая.

Опасной бритвой мне пользоваться не приходилось, только в кино видел. Осторожно беру её в руки и понимаю, что бриться не буду. Жить хочется.

Складываю лезвие и кладу бритву на стол. Ника аккуратно берёт её, раскрывает и вертит в руках. Потом, пытаясь скрыть появившуюся гримаску и придать лицу мужественный вид, тыльной стороной лезвия старательно проводит по щеке. Опять понятные претензии на взрослость?

– Суперменствуешь? А лезвием слабо?

– Это тебе слабо, а мне не к спеху, обойдусь сегодня, – и без того полусерьёзная гримаска расплывается в улыбке.

Подставился мальчик. Ладно, отвечу:

– Ага, и завтра обойдёшься, и послезавтра... Разве что каждое утро полотенцем – и нормально будет...

– Я даже зубы с трёх лет по утрам чищу! А ты трусишь? – Ника вроде бы пытается меня задеть.

– Если и так, то что? – перспектива ежедневной дуэли со своим лицом меня совершенно не прельщает. Со временем, конечно, привыкну, но всё-таки...

– Да ничего. Может, с бородой походишь? Для деревни будет в самый раз, там все так.

Действительно, зачем мне выделяться? И потом, времена не петровские, дресс-кода какого тоже нет. Даже царь...

– Пожалуй, ты прав. Стану деревенским мужиком.

Ника копается в ранце, что-то перекладывая. Правильный гимназист уроки учить собрался? Может, пора отдохнуть?

– Младший брат из будущего, ты сейчас очень занят?

– А что?

– Да по городу хочу прогуляться, посмотреть. Давно не видел. До гимназии дойдём...

– Смеёшься? Она мне за год надоела!

– Да? А ты говорил, что учиться нравится.

– Нравится. Но – учиться.

– А что ещё?

– Правила строгие. Во-первых, ходить только в мундире. Если кто увидит в чём другом даже в самое свободное время – наказание. Правда, мне особо и не в чем. Не в джинсах же! Разве что вечером дома иногда надеваю. Во-вторых, запрещено ходить в театр, в библиотеку, на любые лекции. Надзиратели буквально шпионят за всеми. Утром в гимназии обязательная молитва...

– Ты, кстати, крещённый?

– Мама окрестила в пять лет. У нас не я один крестился, но в церковь даже по праздникам мало кто ходит. А здесь строго. Впрочем, видно, что стоят большинство по обязанности.

– А ты?

– Когда как. Чаще по обязанности, хотя раза два что-то зацепило. Но по церковной линии точно не пойду.

– Так как насчёт прогуляться?

– Пойдём. Куда желаете, старший брат мой?

Последняя фраза означает, что серьёзный трёп надоел и Нике. А может, не знает, что ответить. Что ж, вчера он мне вопросов накидал. Сегодня квиты.

– Пойдём по Крестовой.

Мы выходим на Большую Казанскую. Опять бродилка по знакомому незнакомому городу. Дома не перестроены, асфальта нет.

– Ника, а ты знаешь, где чей дом?

– В смысле?

– Кому какой принадлежит.

– Нет, а зачем мне это?

– Как это зачем? Наши краеведы историю всех особняков давно уже копают. Кто и когда построил, кто, кому и когда продал...

– Хозяев больших да богатых домов и так весь город знает – чего изучать? Лет через сто, может, и интересно будет, а сейчас незачем. Правда, в некоторых бывать приходилось, где ребята из моего класса живут.

Крестовая изменилась мало

На Крестовой почти всё узнаваемо, кроме, естественно, важни на самом Кресте, которую вижу впервые, если, конечно, не считать всё тех же старых открыток. Главное отличие – кованые навесы над тротуарами. Смотрятся вполне презентабельно, но с ними даже сейчас явно тесновато. Останется из них только один – балкон на углу Угличской, где лет через сорок или немного меньше появится книжный магазин, с которым у деда и отца связано многое...

Уцелей все навесы – и улицу точно пришлось бы делать пешеходной. В центре дома каменные, выглядят побогаче, много вывесок. Некоторыми, похоже, хозяева магазинов откровенно хвастаются. Ближе к гимназии попадаются и деревянные.

Гимназия новенькая, фасады ещё доделывают, чтобы объединить с последним флигелем.

– Ника, а там ты не здесь учился?

– Как ты сказал? Там – не здесь? Забавно, но понятно. Нет, уже в новом здании.

– Я тоже нет, но мои дед и отец здесь. Отец ещё печи застал, правда, уже не топили. А в тот год, когда он школу закончил, их сломали.

– Сейчас зимой топят. Тепло.

Идём дальше. Огромная по местным меркам Крестовоздвиженская церковь с колокольней. Хотя и знал, что стояла здесь такая, и на открытках не раз видел, а немного не по себе стало. Такую махину разломали и вывезли, как и не было. А вот жилые дома вокруг явно попроще, но довольно новые, каменных немного. До нашего времени мало что уцелеет. Окраина, тюремный замок – и всё. Впереди видно первое за городом село – очевидно, Иваново. Тракт на Мологу. Туда поедем обязательно, но не сегодня. Возвращаемся.

Глава 8

Так проходит несколько дней. Ника с утра в гимназии, я занимаюсь мелким и не очень ремонтом, чем весьма радую Лукерью Матвеевну, и брожу по городу. В ограде набережной нахожу знакомый камень с выбитой датой – 1838-го года. Стоит, правда, в другом месте, но уцелеет, старик. Дня через два уже вполне спокойно гуляю по площади, смотрю что почём, благо день базарный и народу на таком пятачке собралось немало. Приценяюсь так просто – вдруг пригодится. Здесь подешевле, чем на Мытном, но и торгуют с каких-то разваливающихся прилавков, а то и прямо с телег. Товар обычный, деревенский – несут прямо с парома. Лукерья Матвеевна, кстати, здесь запасается.

В первый же день прогуливаюсь по Мучным рядам. Вполне себе универмаг с поправкой, понятно, на время. Торгуют всем – от хомутов до галантереи. Слоняюсь этаким столичным гостем, ни к чему не выказывая особого интереса. И денег нет, и весь этот новенький антиквариат просто не воспринимаю в качестве для чего-нибудь необходимых вещей. Опять же и в ценах совершенно не ориентируюсь. А всякие кадки, горшки да кринки, деревенская экзотика нашего времени, которую, найдя в сараях да на чердаках, торжественно водружают на видное место в качестве дизайнера близости к народным истокам и деревенским корням, сейчас мне просто не нужны. Пока не нужны.

Довольно много парикмахерских – Старгород какой-то. Распахнутые двери первой попавшейся смотрят на Красную площадь, на пороге стоит мастер – гладковыбритый, элегантная причёска с пробором как живая реклама заведения. Рядом вход к зубному врачу (хм-хм...) Через пару кварталов бросается в глаза вывеска с претензией – «Стригу и брею». И ниже помельче «Барановъ и Козловъ изъ Москвы». Не без юмора, однако, хозяева. Мелькнула было мысль всё-таки зайти, но сразу пропала, поскольку всё равно скоро в деревню.

Поглядываю на публику вокруг. Одеты по-разному. Грузчики с пристаней – это понятно. Рядом рынок – много одетых попроще. Классические крестьяне на телегах с поклажей. Домохозяйки на рынке в длинных скромных платьях и сарафанах. Все, конечно, в платках. Ну да, простоволосыми не ходили. Местные дамы в длинных же платьях и шляпках с претензией на некую стильность. Мужские костюмы вроде наших – брюки да пиджак, хотя и отличаются в мелочах. Лёгкие летние пальто – то ли с пиджаком их носят, то ли вместо него. Запоминаю, что это и есть давно знакомый по книгам сюртук. Впервые увидел забавную штучку – манишку, почему-то именуемую гаврилкой. А если пиджак снять захочется? Заметно в моде тросточки. Здешний молодёжный стиль виден на Крестовой днём – некое щёгольство, явно на папины деньги. Кто попроще, тоже тянутся следом, но ближе к вечеру, хотя видно, что покупают на свои. В начале века это молодёжное было «надев широкий боливар», через сто лет появятся какие-нибудь дырявые джинсы. Ничего такого, что можно было бы назвать фирмой, не замечаю. Будь я в джинсах – никто бы, наверное, внимания не обратил.

Через два-три дня понимаю, что лица аборигенов от наших всё-таки отличаются. Трудно сказать чем, но заметно. На актёров в фильмах из старой жизни совершенно не похожи. Более спокойные? Может быть. Живут в конце девятнадцатого века явно медленнее. Здешние таксисты, то бишь извозчики, по моим меркам черепахи. Это понятно. Но и пешеходы, даже если торопятся, спешают медленно. Постепенно и сам замедляю привычный ход.

Иду мимо вполне скромного деревянного дома на Конюшенной по левой стороне сразу за углом, как с Крестовой повернуть. Дом этот мой прадед купит в январе девятьсот девятого, как напишет потом в дневнике, за 7500 рублей с переводом долга 3000 рублей в общественный банк. А ещё почти через два года в этом доме родится мой дед, его единственный сын после трёх дочерей, которого назовут в честь отца. И проживут они здесь до осени семнадцатого, когда переберутся на Гору, где прадед купит дом с садом.

Дохожу до Ивановской, на углу нынешняя доминанта – Спасская церковь. Выглядит гордо. Не то чтобы там солидно, как Спасо-Преображенский, роскошно или ещё как – именно гордо. Хотя и колокольня не самая высокая, против трёх, что с Волги видны, совсем ничего. Так ведь не спорт – у кого выше... Храмов сейчас в городе не сказать чтобы много, но все на виду, и каждый на свой характер выглядит. Крестовоздвиженская вроде бы тоже немаленькая, а какая-то спокойная. Никольская спряталась за собором, кажется, хочет под его могучим взглядом быть ещё ниже. То ли характер архитекторов в их творениях сказывается, то ли ещё что, но воспринимаются все по-своему. И они стоят, ответно на людей смотрят. Что видят?..

Прохожу ещё квартал. Всё как должно быть. Скромная и в чём-то изящная кирха на месте. Костёла, естественно, ещё нет. А что ожидал?

Возвращаюсь назад по Конюшенной, поворачиваю вправо на Мышкинскую, по ней дохожу до Театральной. За углом солидно-столичный банк с ещё несгоревшими башенками, а о театре и говорить нечего – стоит себе родимый и о своей печальной судьбе ничегошеньки не знает. Обхожу сей культурный храм со всех сторон, как нормальный турист, попутно замечаю, что первый дом на Ивановской, на моей памяти уже не очень презентабельный и с заметно пообвалившейся лепкой, стоит новенький и совсем ещё без оной (может, у хозяина денег сначала не хватило, а потом подкопил?).

А театр хорош. Выглядит, как и банк, далеко не провинциально. Надо бы выбраться на спектакль да интерьеры посмотреть. Если вернусь – можно будет написать не самую скучную книгу об эпохе. То ли хронику, то ли подробный путеводитель (знать бы для кого?). А сейчас что рассказывать? Живу я в этом городе. Всего несколько дней, но живу. В этом случае быть самому себе экскурсоводом бессмысленно. Дома, улицы, рынок, извозчики, вывески – всё, ещё недавно бывшее для меня малознакомой историей, сейчас часть обыденности. И не замечаю я их, как неделю назад не замечал супермаркет напротив. Зашёл, купил что надо, вышел.

Чуть ли не ежедневно спускаюсь вниз, смотрю знакомые камни. И под будущей биржей, и выше, где отдыхал в ту ночь. Теснота пристаней, суета грузчиков и прочего люда – и я меж ними. Но при всём этом какое-то чувство вневременности. Они сами по себе, а я сам по себе. Или кто бабочек от меня ограждает? Кажется, наступлю на нужный камень – и поднимусь вверх, через пару кварталов на привычном пяточке встречу ребят. А потом домой на троллейбусе окончателно из этого сна. Вот только камень никак не попадается. Да и Ника... Он же один останется. Когда поймёт, что я его предал, что путь назад заказан... Что ж, будет жить здесь. У него вроде бы дела идут. Но почему предал? Я же не ищу именно этот камень. Так, ностальгия по будущему. И вообще мне здесь всё интересно.

Возвращаюсь иногда по Угличской, мимо фотоателье Пийра. Первый раз специально, чтобы просто посмотреть что да где. Потом идея появилась зайти, сняться на память. Опять же негативы у него сохраняются, потом интересно будет.

Интересно – а кому? И когда? Если бы они весь век там в какой-нибудь кладовке пролежали, а я в своём двадцать первом заглянул да заказал пару штук дополнительно – это да. Или увеличить да в хороший багет и дома повесить рядом с пийровским же портретом прабабушки Анны Никитичны, который будет сделан лет примерно через пять, а сейчас, изрядно пожелтевший, лежит на антресолях. Впрочем, в двадцать первом веке на месте ателье давно уже стоит другой дом, а фотопластинки разве что в музее можно найти да у меня с десятков уже послевоенных от деда осталось.

Правда, с деньгами сейчас, как бы это сказать... Да просто нет их, неоткуда взяться. Лукерья Матвеевна кормит из гостеприимства, отрабатываю топором да молотком. Разве что потом как-нибудь. И одеться надо будет по-здешнему, ради интереса. Тогда и к Пийру можно...

Все эти фотомысли появляются и исчезают в соседней с Пийром дурдинской пивной, названной, как и его завод, по-провинциальному громко – «Богемія». Поработал у соседки полдня пилой да молотком и честно туда заглядываю. Пробую и тёмное, к которому всегда

относился довольно спокойно, и более привычное светлое. Не в один, конечно, день. Оказывается вполне достойным. Мелькает даже мысль спуститься с ним к воде, но сразу и улетает. Или инстинкт самосохранения сработал – вдруг опять куда занесёт?..

Заглядываю в магазин Фальк, той самой, с именем которой меня окликнул Ника в первый день. Писчебумажные товары, немного открыток с видами Питера и Москвы. Интересуюсь местными. Оказывается, она думает ими заняться, но не знает, будет ли спрос. Говорю, что, по моему мнению, всё-таки будет, а особенно лет через сто, когда открытки станут антиквариатом. Оба улыбаемся. А что, истинная правда.

На набережной подходит молодой человек провинциального вида, но с претензиями, лет на пять младше меня. Ни с того ни с сего спрашивается на знакомство. Почему нет, благо ни к чему это не обязывает. Узнав, что я из Питера, расцветает. Там кружки, там революционеры, всё для народа и далее в таком же духе с теми же эмоциями. Будь я на его месте, и сам бы наверняка таким был. Всё о кружках этих расспрашивает, восторгается революционерами прошлого. Каракозов, Гриневецкий, Желябов, Перовская для него звучат как песня. Но это в прошлом, а вот есть сейчас социал-демократы, они не такие яркие, но всё-таки, и т. д., и т. п. Пожимаю плечами. Он обижается, кричит, можете меня в полицию сдать, ничего не боюсь. Мол, с такими как я нужно бороться во имя светлого будущего, за которое тоже бороться нужно, потом все завидовать нам будут. И так у меня пакостно на душе становится. Разубеждать его бессмысленно, что с революционного романтика спрашивать... Даже если расскажу историю на век вперёд – не поймёт. А поймёт, так не поверит. Или сначала не поверит, а потом не поймёт. Какая разница. Он машет рукой и уходит. А я своё ответное молчание списываю на эффект бабочки.

Место милой беседы с О.К. Фальк

Историко-политический диалог этот изрядно портит мне настроение, я отправляюсь в сторону Бабарыкина луга, где только-только построили большое и вполне столичного вида техническое училище. По дороге, то ли на Мологской, то ли на Угличской, обгоняю двух весьма скромных господ приказчицкого вида и слышу их разговор.

- Надо бы сегодня поздравить Лапёнова Кузьму Евстафьевича, благодетеля моего.
- С чем же поздравить, Василий Егорович?
- Сын у него родился! Он так мечтал, чтобы первым именно мальчик был.
- Да уж понятно, купцу наследник нужен. Кутит, наверное, сейчас от радости напропалую...
- Что ты, как можно! Кузьма Евстафьевич старообрядец, у них это строго.

- А-а... Ну у них семьи большие, так что на одном не остановится.
- Хозяин – барин...

Сворачиваю за угол. Навстречу попадается вполне respectable купеческого вида господин моих лет или несколько младше, по виду из тех, кто чаще сидит в пролётке, чем ходит пешком. На лице его вполне заметна некая радость, хотя и маскируемая внешней серьёзностью.

Не будучи знакомыми, мы просто расходимся, как обычные прохожие, каковыми, впрочем, и являемся. Вдруг сзади раздаётся:

- Кузьма Евстафьевич, здравствуйте и примите наши поздравления с первенцем!
- Спасибо, Василий Егорович, и вам, господа, доброго здоровья...

Видимо, это и есть Лапёнов.

Эта совершенно случайная встреча меня, что называется, цепляет. Имя и отчество мне не говорят ровным счётом ничего, но фамилия кажется не то что знакомой, но где-то встречалась раньше. С чем же она связана... Так ничего и не сообразив, двигаюсь дальше. Не останавливаясь, мимо училища по Конюшенной выхожу на Мологскую и, сделав таким образом петлю, выхожу на бульвар, по нему мимо стильно-деревянного ресторана, о весёлой репутации которого уже успел услышать, иду к себе (к себе!) на Казанский.

Как-то вечером Ника вспоминает о пачке денег в моей сумке. Решаем в ней разобраться. Сразу откладываем в сторону все купюры, датированные двадцатым веком. И остаётся только шесть рублёвых бумажек. Даже трёшки-пятёрки – и те пятого года. Видимо, только рубли с нынешних пор не менялись. Но все они какие-то слишком новенькие, будто из типографии.

Ника берёт одну бумажку, внимательно рассматривает. Потом перебирает остальные.

- Конечно, настоящие, но...
- Что но?

– Помнишь, кино было. Герой из наших девяностых в шестидесятые попадает и там покупает золотые украшения. Он ещё в продавщицу ювелирного магазина втрескался...

Видел я этот фильм. Легко у него всё там получалось. Туда-сюда когда хочешь, и всего-то на три десятка лет назад. Ему бы наши проблемы. Однако словечко у паренька проскочило... Придётся стать Александром Павловичем:

- Не втрескался, а влюбился. Много ты в этом понимаешь!
- Ну, хорошо, влюбился.
- Вот именно. Так что?

– А то, что милиция обратила внимание на человека, скупающего золото, и деньги отправили на экспертизу.

– Ну да, деньги оказались настоящими, но такие серии в обращение в тот год ещё не выпускались. Хочешь сказать, что здесь что-то в этом роде? Но ведь ты не банковский клерк. Что ты можешь знать?

– Да кое-что знаю. Понимаешь, я учусь в одном классе с Бартошевым, а его отец как раз в банке работает. Они и живут неподалёку, на набережной, в казённой квартире. Мы часто вместе идём домой и немного подружались.

– Он знает, кто ты такой?

– Нет, конечно. Но однажды он позвал меня к себе. В тот день первые такие рубли привезли в банк, и отец принёс показать. Рассказал, что все витиеватости рисунка для того, чтобы труднее было подделать. Показал подписи управляющего Госбанком и кассира. Кассиры-то разные, а управляющий один. Эдуард Дмитриевич Плеске. Его подпись с большой петлёй под заглавной буквой. И это все знают. А здесь чья подпись?

Смотрим. Аккуратными узкими буквами – И. Шипов. А может, Шилов.

– Стало быть...

– Стало быть, Миша, эти рубли ещё не существуют и неизвестно когда появятся.

– Как неизвестно? Когда этот Шипов или Шилов станет управляющим Госбанка.

– А когда это будет?

– Он поди и сам не знает.

Ника ещё раз внимательно рассматривает рубли:

– Да, смотри. В номере должно быть две буквы и шесть цифр, а здесь у всех только три цифры.

– Может, потом что-то поменялось?

– Вот именно. Так что сейчас ими расплачиваться рискованно. Конечно, если хорошенько помять и замусолить, на рынке возьмут, не заметят. Их у нас всего-то шесть штук. В разные дни в разных местах – не страшно. Но если что – никто не поймёт, откуда эти рубли взялись.

– А остальные?

– А остальные убери подальше да поглубже. Если до этого Шилова или Шипова здесь доживём – пригодятся.

– Ты тогда уже взрослым будешь, университет впереди, а к двенадцатому году наверняка окончишь. Там и потратим.

– Как взрослым? Я не хочу...

– Не понял. Тебе объяснить, что любой ребёнок...

– Какой ребёнок! Это ты не понял! Я хочу быть взрослым там, дома, а не здесь! У меня был свой мир, своя жизнь! Мама, папа, друзья! Когда я сюда попал ... я как игру ... как путешествие ... как приключение! А сейчас!.. Кто меня сюда закинул?!

Речь его превращается в бессвязные выкрики, голос становится неустойчивым, сбиваясь то на полудетский фальцет, то на что-то взрослеющее, на глазах появляются слёзы. Кажется, он вот-вот бросится на меня с кулаками.

Я хватаю его за руки, однако выкрики и слёзы продолжают.

– Ника, что ты, успокойся. Мы братья, я с тобой, и у нас есть будущее. Наше будущее! Мы вернёмся! Обещаю тебе!

– О-бе-ща-ешь? К-как?

– Сам пока не знаю. Но нам надо быть вместе.

Ника начинает приходить в себя:

– Давай будем рядом. Мне так было плохо весь год.

– А как же Стёпка, гимназия...

– Это да, но всё не то. Какая-то непонятно чья игра. И Стёпка, и Лукерья Матвеевна, и Бартошевский, и все остальные, и гимназия, и весь город – часть этой игры. Играть нравится, всё вроде бы хорошо, но всё равно хочу кликнуть выход – и не могу найти.

– Значит, будем искать вместе.

Глава 9

После встречи с Лапёновым у меня как-то вдруг пропадает желание бродить по городу. Почему – понимаю не сразу. Но что-то меня останавливает. Не то чтобы я все улицы прошёл и всё увидел, хотя в какой-то мере это, может быть, и так. Я знаю, конечно, что в конце девятнадцатого века город можно было за полчаса пройти вдоль Волги. Это через сто лет и за день с трудом, даже если сил хватит.

Однако по небольшому городу тоже можно бродить сколь угодно много, каждый раз что-то открывая для себя. Тем более это касается моего родного города, в котором много лет сквозь новопостроенное проявлялось что-то старое, даже давно снесённое, а сейчас волею судьбы сквозь старое, которое далеко ещё не старое, вижу то, что кроме меня здесь никто видеть не может. Разве что Ника, но о городе мы особо не говорим.

Случайно замечаю, что Ника ходит без наушника:

– Что, брат названный, битлы надоели? Так закинь другое. Что, кстати, здесь слушают? Шаляпина с Собиновым?

– Миша, здесь только граммофоны и то ещё мало у кого. Спасибо за шутку, но...

Не подхватывает паренёк мой тон. Даже на фамилии не реагирует, хотя вряд ли их слышал – там уж точно нет, да, наверное, и здесь.

– Что но?

– Тоскливо всё это слушать. Даже забойное – а тоскливо.

– Ностальгия?

– Что-то вроде. Понимаешь, когда слушаю, всё больше кажется, что пытаюсь сидеть на двух стульях.

– И что в этом плохого?

– Да стулья-то вроде как в театре, с подлокотником между ними. И выбора, на каком сидеть, нет. А в тот день, когда мы встретились, решил послушать музыку в последний раз – и всё, больше не заряжать и постараться всё это забыть. Просто устал от раздвоения.

– А впереди лето в деревне, и прошлое будущее начнёт понемногу забываться?

– Может, так было бы лучше, но не получится. Иногда жалею, что при переходе сюда мозги прежними остались. Представь себе, что кто-то очень мудрый позаботился бы в этом направлении, убрал всё лишнее из головы – так легко было бы.

Непонятно, он шутит или нет. Мысль вроде логичная, но в голосе что-то проскальзывает. Я меняю тон.

– Но это мысль труса, который боится обстоятельств. Согласен, здесь нет того комфорта...

– Да причём здесь это! В прошлом году я через неделю забыл, что где-то есть телик, комп, ванна с горячей водой и вся прочая ерунда. Тем более что охи и вздохи по этому поводу абсолютно бессмысленны.

– А домой всё равно хочется?

– А тебе нет? Что нас с тобой с эти миром связывает?

– Меня практически ничего, а тебя за год уже кое-что. И чем дальше, тем больше. И в какой-то момент мы встанем перед выбором: то ли пускать корни здесь, то ли, как говорилось в старом романе, ждать и надеяться.

– Но разве от нас зависит, здесь или туда?

– Вряд ли. Сюда мы попали не по своей воле, так почему обратный путь должен быть другим?

Остающиеся до нашего отъезда в деревню дни большею частью провожу дома, лишь изредка выходя на набережную. Раза два встречаю старичка-словесника Александра Павловича, мы мило раскланиваемся. При второй встрече он, предварительно осведомившись, не спешу ли я, заговаривает о современной литературе. Он весь в Тургеневе, Некрасове, Гончарове, Островском. Но их уже нет, а нынешние...

Я вежливо напоминаю о графе Толстом, на что мой собеседник отвечает, что Лев Николаевич из того поколения, из которого они, пожалуй, только вдвоём и остались, а под нынешними он понимает тех, кому лет тридцать-сорок. Разве что Гаршин, который так и не успел написать ничего крупного, Чехов, Короленко... Помолчав, добавляет Горького. Рассказы и небольшие повести у них интересны и даже талантливы, но до больших русских романов им далеко, если вообще хватит сил на них. Появились какие-то символисты, совершенно непонятные, хотя молодёжи нравятся.

Александра Павловича слушать интересно, поэтому я больше молчу и только иногда поддакиваю, как бы соглашаясь. Просто боюсь заговорить о ком-нибудь, кто по малолетству ещё ничего не сочинил, или о ещё ненаписанных произведениях тех, кто уже пишет. Единственно вспоминаю, что где-то через год должен выйти последний роман Толстого «Воскресение», потому вполне уверенно говорю, что Лев Николаевич его дописывает. Оказалось, Александр Павлович об этом романе слышал и ждёт его с нетерпением.

На другой день иду в сторону песков и дальше до верхних грузовых пристаней. Место совершенно не прогулочное. Грузчики сноровисто бегают по мосткам с тачками или носят на себе – где как. Если бы берег был высокий и посмотреть сверху, скорее всего пришло бы в голову сравнение с муравьями. Поскольку же берег в этом месте низкий, быстро замечаю сначала косые, а потом и откровенно неприязненные взгляды. И действительно – чего припёрся, не кино, люди работают, а ты под ногами вертишься. Не кино – это у меня в голове, а остальное и так понятно.

По дороге попадается трактир. Захожу, спрашиваю мурцовку. Название сего блюда знаю, даже рецепт от деда в детстве слышал, но пробовать не приходилось. Самому приготовить – и в мыслях не было. Обо всём этом в трактире рассказывать, понятно, не стал.

Меня сразу на смех поднимают – вроде прилично выглядит, а мурцовки хочет! Не делают такого здесь, а коли попробовать хочешь, так иди на берег. Крючники там её сами себе готовят и сразу едят.

Действительно, не сообразил. Еда самых откровенных бедняков, которым даже в трактире делать нечего. А для меня получается вроде как экзотика.

И чего по пристаням да пескам шляется, бездельник (это я сам себя так), турист из двадцать первого века. Примите, покажите, расскажите, ещё и мурцовку хочет продегустировать!

Ладно, домой вернусь – сделаю, благо большого кулинарного ума не надо. А здесь – может, в ресторан на бульваре заглянуть? Какой-нибудь джентльменско-купеческий набор заказать? Осетрину там, икру с блинами? И в дополнение ко всему канкан на сцене. Как в примитивном кино из старой жизни, когда трудовой народ спину гнёт, а проклятые буржуи да помещики развлекаются. Но сначала надо на такой вечер как-то разжиться. Если к Пийру зайти не на что, так туда тем более. Джекова катенька не помощница, от петеньки проку не больше. И в шальном варианте им взяться неоткуда. Толстых потерянных бумажников тоже не видно. Подработать где (и где, кстати? и кем-чем?) – так заработанное посильно-непосильным трудом проматывать впустую просто глупо. В своём времени деньгами особо не сорил, так здесь что выпендриваться? Впрочем, судя по количеству достойных злчных мест, коих раз-два и обчёлся, развлекаются очень-таки немногие. Народ здешний всё больше делом занят. О крючниках и говорить нечего.

А может, день-другой всё это на своей шкуре испытать? А что, поискать у Лукерьи Матвеевны робу какую и завтра с утра пораньше сюда. Наняться на общих правах (а как ещё?), до вечера спину поломить и на эту самую мурцовку да на водку заработать. На вечер с канканом вряд ли получится. Скучно с этими мешками точно не будет!

Но я же не Гиляровский! Он-то силач был, а меня хватит на каких-нибудь полчаса, и то если. А дальше что? Умереть, конечно, не умру. По крайней мере в первый день.

Тут я понимаю, что это просто блажь в голову пришла. Бывает. Сразу на дальнем плане проскакивает мысль – а если нужда заставит? Я же здесь никто. Вот прижмёт, что только пристани эти и останутся, – что тогда? Мурцовкой перебиваться? Всё же буду надеяться, что до такого не дойдёт...

Тем же путём возвращаюсь к бирже, в более привычную обстановку. Перебираюсь на знакомом уже пароме за Волгу, прогуливаюсь по дачным Ершам, мимо михалковского имения выхожу на Шексну, иду по берегу и через час переправляюсь в Абакумово. Оказывается, это целый город чуть ли не с наше Пошехонье. Чистый, аккуратный. Несколько заводов – и кому это всё мешало?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.